

Двор Тьмы

Автор:

[Виктор Диксен](#)

Двор Тьмы

Виктор Диксен

Young Adult. Вампирия #1Вампирия #1

«В Версале она расцветет, как прекрасная роза. Вампиры во дворце умеют ценить красоту. Но ей следует быть осторожной: у Двора Тьмы свои планы, смертельные ловушки и за малейший промах придется заплатить кровью...»

В 1715 году Король-Солнце превратился в вампира и стал Королем Тьмы. С тех пор он безжалостно правит Вампирией. Население должно во всем подчиняться бессмертному ордену, соблюдая строгие правила. Простолюдины проливают кровь, чтобы прокормить вампирскую аристократию, и не имеют права покидать свои дома по ночам.

Однажды вечером в дом Жанны врываются солдаты и убивают всю ее семью. Теперь девушка жаждет мести. Будучи дочерью обычного аптекаря, Жанна выдает себя за аристократку и отправляется в Версаль. Ведь это единственный способ добраться до Короля Тьмы и выжить в логове кровожадных монстров...

Виктор Диксен

Двор Тьмы

© Editions Robert Laffont, Paris, 2020

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Исхакова С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«Возможно сделать все, что захотим,

Пока мы живы,

После смерти ничто нам не властно».

Слова Короля-Солнца на закате жизни

«Наконец-то Великий Людовик мертв!

О ля-ля, да будет пир!

Морта[1 - Морта – богиня смерти в древнеримской мифологии.] оборвала его жизни нить.

В восторге весь мир!»

Популярная песня, посвященная смерти Короля-Солнца до его превращения в Короля Тьмы 31 октября 1715 года

1

Визит

– ИМЕНЕМ КОРОЛЯ НЕМЕДЛЕННО ОТКРОЙТЕ! – громогласно прорычал чей-то голос.

Родители тревожно переглянулись. Наша семья из пяти человек только что устроилась поужинать. Валер – старший брат, замер. Младший – Бастьян уронил на пол ложку, которую я тут же подхватила.

– Кто бы это мог быть в воскресенье, да еще в такой час? – удивилась мама, бросив взгляд на настенные часы.

Они показывали чуть больше семи вечера. Висевший рядом календарь был открыт на сегодняшней дате: 31 августа 299 года Тьмы.

Вместо ответа чей-то кулак принялся дубасить по входной двери так, что дымящийся бульон из фазана задрожал в тарелках. У меня похолодело в груди.

– Именем короля! – повторил чужак, что прозвучало равносильно: «Именем дьвола во плоти».

Я покосилась на гравюру с изображением Людовика Нетленного, занимавшую почетное, впрочем, как и во всех домах Франции, место над камином. Длинные локоны парика суверена давно утратили каштановый оттенок. А может, сама бумага выцвела за прошедшие годы, ведь портрет был напечатан задолго до моего рождения. На лице Короля ни единой морщинки: оно скрывалось за золотой маской, за гладкими, без возраста и выражения чертами лица, в центре которого выделялись два черных глаза, сурово взиравших на своих подданных. Сжатые металлические губы вызывали еще бо?льший страх, словно за ними

прятались острые клыки.

Сдерживая волнение, я подбежала к окну, чтобы разглядеть происходящее снаружи.

Сквозь квадраты толстого стекла главная улица Крысиного Холма утопала в ослепительном золотом потоке солнечных лучей. Близился конец лета, но на плоскогорьях Оверни еще стояли длинные дни. Солнце садилось после восьми часов – значит, вампиры просыпались позднее.

Это то счастливое время года, те несколько недель, когда еще тепло и можно гулять без пальто. Счастливое время, когда жители городка почти забывали о Кодексе смертных, который на протяжении многих поколений подавлял Магну Вампирию – внушительную коалицию, объединившую Францию и ее вице-королевства.

– Жанна, отойди от окна! – попросила мама. – Не рискуй без надобности.

Нервным жестом она заправила прядь длинных каштановых волос за ухо. Мои собственные волосы, чуть выше плеч, были седыми от рождения, и только мама находила эту аномалию очаровательной.

– Лучи не сожгут мою кожу, – ответила я, пожав плечами. – Я же не кровопийца.

– Не употребляй такие выражения! – прикрикнул отец, гневно треснув кулаком по столу.

Папа, как законопослушный гражданин, всегда возмущался отсутствием уважения к вампирам. Это он благоговейно разложил под портретом монарха сухоцветы из хризантем – букеты живых мертвецов: в следующем году королевство будет отмечать юбилей деспота.

Почти три столетия от Рождества Христова по старому календарю прошло с момента его трансмутации. В ту ночь 1715 года монарх должен был умереть от старости в конце своего бесконечного правления, отмеченного войнами и голодом.

Вместо того чтобы уснуть навсегда, Король-Солнце тайно совершил страшный медицинский ритуал, подаривший ему бессмертие, но изуродовавший его лицо.

Людовик XIV стал Людовиком Нетленным, Королем Тьмы, первым вампиром в истории. Вскоре все монархи континента присягнули ему на верность, чтобы в свою очередь трансмутироваться в бессмертных. Европа застыла под железным иггом, в воздухе повис страх. На земле воцарилась эра холода и тьмы.

– Откройте немедленно, или мы выломаем дверь! – рычал злобный голос снаружи.

Кулаки вновь забарабанили в дверь аптекарской лавки, расположенной рядом с нашими апартаментами.

Братья тоже поднялись из-за стола. Валер поспешил к буфету за длинным ножом, которым отец разделявал фазана, пойманного мной утром в чужих владениях. Бастьян смотрел по сторонам обезумевшими от страха глазами. Даже Тибер, старый домашний кот, оторвался от тарелки с потрохами, чтобы скрыться в углу.

Я инстинктивно приняла оборонительную позу, чувствуя, как под штанами из овечьей шкуры напряглись мышцы ног. Может быть, я и невысокая для своих семнадцати лет, но мое тело, привыкшее к бегу, ловкое.

– Узнаю манеру жандармерии, – пробормотал Валер, часто моргая за стеклами очков, делавших его старше. Он всегда был самым нервным в семье.

– Успокойся, Валер, – приказала мама тоном одновременно мягким и властным. – И убери нож. С нами ничего не случится.

Он подчинился. В присутствии хозяйки дома братья вели себя кротко: в ее руках бразды правления и счета лавки, за ней – последнее слово.

– Мама права: с нами ничего не случится. Просто потому, что в нашей деревне никогда ничего не происходит. Не правда ли, Бастьян? – пошутила я, желая вызвать улыбку любимого брата.

Но за моим напускным сарказмом скрывалось смутное беспокойство. Кому пришло в голову навестить супругов Фруаделак, почтенных аптекарей из деревушки, затерянной в глубине одной из самых отдаленных провинций Франции (ближайший город Клермон находился в двадцати лье от нас)?

Родители всегда исправно платили налог, будь то золото или кровь. Отец даже помогал доктору Бонифасу двенадцать раз в году пускать кровь всем жителям деревни, начиная с себя самого, своих жены и детей.

Согласно Кодексу смертных, в обязанности аптекаря входило не только снабжение людей лекарствами, но и сбор драгоценной жидкости. Такова десятина гематического Факультета, название которого произошло от греческого слова *haimatos* – кровь. Таков налог, возведенный в религию, основанную врачами-священниками, трансмутировавшими Короля.

Мы, простолюдины, должны жертвовать десятую долю своей крови, чтобы кормить знатных вельмож и дворян. Каждый месяц доктор Бонифас отправлял в Клермон двести заполненных доверху флаконов своему начальнику, главному придворному врачу, как теперь называли прелатов, заменивших епископов прежних времен.

– Ведь нас не в чем упрекнуть? Если не считать, что мы смертельно скучны? – подмигнула я Бастьяну, единственному, кто ценил мой черный юмор.

Отец привычно кивнул, как делал всегда, чтобы успокоить больных. Только сейчас он тревожно хмурился. Я никогда не видела его таким. Вернее, видела, однажды, морозной декабрьской ночью. Пять лет назад. Тогда жандармы притащили в аптеку чужеземца – путешественника в заснеженном пальто. Несчастный нарушил комендантский час, запрещавший жителям четвертого сословия выходить из дома после наступления сумерек, и стал жертвой вампира, имя которого мы никогда не узнаем.

Повелители ночи имеют право питаться по своему усмотрению теми, кто осмелился показаться на улицах после звуков набата. Слово расписавшись, хищник оставил на шее почти бескровной жертвы два багровых прокола.

Мне было двенадцать, и тогда я в первый и последний раз в жизни увидела укуса вампира. Здесь, в нашей глубинке, где овец в два раза больше, чем людей, а

крыс и вовсе в десять, повелители ночи больше так не забавлялись.

Я тяжело вздохнула, пытаюсь собраться с мыслями. В ту далекую зимнюю ночь на лице отца застыло беспомощное отчаяние от того, что замерзший бедняга умирал в муках на его руках. Но сегодня что могло омрачить этот ясный летний день?

– Аптекарь, слушай внимательно: это последнее предупреждение! – пригрозил свирепый голос снаружи.

Родители вновь переглянулись. Отец подошел к двери, отделявшей столовую от аптечной лавки, где на аккуратных полках разместились глиняные горшочки с различными мазями и снадобьями, подписанные каллиграфическим почерком Бастьяна.

Вечернее солнце освещало деревянный прилавок. В этой тесной комнате я частенько маялась от удушливой тоски и тягостных дум о своем бесполезном существовании.

Только бегая по лесам и полям, собирая лекарственные травы и... подстреливая дичь, когда представлялась возможность, я могла дышать свободно и легко. В кожаных кюлотах, с распущенными волосами под пастушьей шапкой, мне было хорошо и уютно.

При этой мысли я запаниковала: а что, если жандарм пришел арестовать меня из-за фазана, которым мы собирались поужинать?

Охота для простолюдинов запрещена... но до сих пор жандарм Мартан закрывал глаза на мои проступки, потому что родители любезно поставляли ему настои из шалфея для лечения его приступов подагры.

Я повернулась, стараясь разглядеть незваных гостей. Прищурилась от ослепляющих бликов солнца. За стеклянной дверью, выходящей на деревянную площадь, увидела силуэт посетителя. Но это вовсе не простодушный добряк Мартан, возглавлявший полицию из трех человек на Крысином Холме.

Визитер, угрожавший разбить окно кулаком в перчатке, высокий и сухой, зловещий, как виселица, был облачен в длинную, до пола, черную мантию. Его шею обвивал пышный, гофрированный воротник «фреза» из белой ткани – украшение, типичное для Факультета.

– Инквизитор... – в ужасе выдохнула я, узнав железную пряжку в форме когтя летучей мыши, свисавшую с конической шляпы незнакомца.

Я видела инквизиторов лишь на страницах книг. Тем не менее прекрасно знала: носящие когти летучей мыши – единственные члены Факультета, готовые любым способом найти и разорить логово врага государственной религии, где бы тот ни прятался.

Присутствие столь высокопоставленного мужа здесь, на Крысином Холме, – неслыханное дело. Факультет в деревушке почти не представлен, за исключением доктора Бонифаса, чей скромный воротник «фреза» был маленьким и плоским.

На этот раз я уверена: это ошибка, ужасное недоразумение, которое отец скоро разрешит.

– Дети, поднимитесь наверх, – приказала мама.

– Почему? – запротестовал Валер.

– Не перечь!

Мы нехотя подчинились. Но, поднявшись на верхнюю площадку, ведущую в наши спальни, я шепнула братьям:

– Оставайтесь в тени коридора, а я буду шпионить за тем, что происходит внизу.

В этом преимущество маленьких: можно спрятаться где угодно. Я затаилась за перилами так же, как обычно делала на охоте в лесу, когда из-под полей охотничьей шляпы высматривала добычу.

Засов входной двери со скрежетом повернулся. Тут же раздался грохот сапог по плитке пола: инквизитор, очевидно, пришел не один.

Из своего укрытия я увидела, как он вошел в столовую, а вслед за ним еще один... два... три хорошо вооруженных солдата, облаченных в темную кожу и высокие сапоги. Их головы покрывали серые, подбитые мехом, драповые шапки с длинными концами, ниспадающими до плеч.

Потрясенная, я узнала головной убор королевских драгунов – беспощадных воинов Тьмы, уничтожающих всё, что угрожает жестокому порядку Вампирии. Но почему они здесь?

Мой отец пытался изобразить уверенность:

– Добро пожаловать в мою скромную обитель, Ваше Преподобие. Польщены вашим визитом. Мы с женой как раз собирались отведать куриный горшочек.

Куриный горшочек – маленькая ложь, чтобы выдать незаконно подстреленного фазана за птицу, купленную на рынке.

Инквизитор – чужак и, вероятно, не знал, что на Крысином Холме, где две трети года царят морозы, люди и животные вынуждены добывать пищу из бесплодной земли. Даже такой уважаемый человек, как аптекарь, не может позволить себе куриное мясо по выходным.

– Будем рады разделить с вами нашу скромную трапезу, – продолжал отец как ни в чем не бывало.

Он показал на стол, где дымилась супница с выщербленным краем, возвышались кувшин с разбавленным вином и корзинка с хлебом, которую мы обычно накрывали салфеткой, чтобы уберечь от крыс.

Сервировка невзрачная, но букет свежих полевых цветов, собранный мамой, привносил нотку изящества, в отличие от засушенных хризантем, украшающих алтарь Короля.

– Разве милосердный король Генрих не желал в свое время, чтобы его подданные обедали курицей по воскресеньям? – с улыбкой обратился к незванным гостям отец.

– Оставь старика Генриха там, где он есть: в могиле с тлеющими костями! – рявкнул инквизитор гортанным голосом, острым, как и его лицо, торчащее из воротника «фреза», словно лезвие клинка.

До меня донеслись приглушенные ругательства Валера. Генрих IV – предпоследний смертный король, правивший государством. Проповеди Факультета, которые доктор Бонифас читал прихожанам на службах каждое воскресенье, гласили, что трансмутация высшей знати принесла Франции и Европе *рах vampyrіca* – прочный вампирический мир, положив конец войнам прошлого.

Догма также объясняла, что вампиры защищают смертных от ночных тварей, покидающих свои логова после захода солнца. Не знаю, существуют ли они на самом деле: я их никогда не видела.

Наконец, гематическое вероучение утверждало некую теорию династической преемственности от Генриха IV – основателя Бурбонов, который искренне любил свой народ, до Людовика Нетленного – его внука, сегодняшнего правителя.

Но монархи прошлого вершили дела с открытыми лицами, жили и умирали как обычные люди. А Нетленный вот уже триста лет прятался за непроницаемой маской, купая свое бессмертное тело в крови французов!

Я сильнее прижалась к балюстраде первого этажа, охваченная бессознательным страхом: а вдруг инквизитор заметит меня и прочтет мои кощунственные мысли... Кто знает, какими способностями одарена высшая знать духовенства, состоящая на службе в Вампирии?

Но все внимание посетителей по-прежнему было приковано к бедному отцу.

– В этих стенах зарождается бунт, я чувствую это... – рычал инквизитор, раздувая ноздри, будто вынюхивал что-то запрещенное. Он негодуяше указал на супницу: – От этой похлебки несет чесноком!

– Мы бы никогда не допустили этого! – возразил отец. – Нам хорошо известно, что чеснок запрещен в королевстве, потому как вызывает ожоги у наших господ вампиров! Вероятно, вы слышите запах лука, Ваше Преподобие.

Утратив интерес к супнице, визитер прошелся вдоль стены, где были сложены поленья, заготовленные братьями на долгую зиму. Потом тяжелой поступью направился в глубь комнаты, к библиотеке. Он осуждающе кивнул на полки:

– Слишком много книг в доме простолюдина. Вот откуда воняет ересью!

– Это самые обыкновенные классические трактаты о лекарственных травах и несколько безобидных романов, – твердым голосом объяснила мама.

И она права: в нашей библиотеке нет ничего необычного, за исключением, пожалуй, коллекции английских приключенческих романов, которые я зачитала до дыр, спасаясь от болотной скуки Крысиного Холма. Мама унаследовала их от безвестного двоюродного дедушки, которого никогда не видела. Она знала английский язык и обучила меня ему. Но мамина нога в жизни не ступала по ту сторону Ла-Манша.

Согласно Кодексу смертных, простолюдины обязаны подчиняться не только комендантскому часу, запирающему их в домах каждую ночь, но и закону о невыезде, запрещающему им выезжать за пределы деревенской колокольни...

Инквизитор пришел явно не для светских бесед о литературе. Он резко повернулся и направился к отцу. Длинная черная мантия развевалась в воздухе, словно крылья летучей мыши.

– Веди меня в свою лабораторию! – гаркнул чужак.

– В мою лабораторию? Помилуйте, этот глухой подвал наполнен опасными для здоровья испарениями из-за крысиного яда, который приходится изготавливать в больших количествах. Подобное место недостойно человека вашего ранга...

– Немедленно, или я перережу тебе горло!

Драгуны угрожающе выхватили шпаги. Тень сомнения промелькнула на секунду в глазах отца.

И я тоже засомневалась. Да, впервые засомневалась в нем. Почему он отказывается показать лабораторию этим чужакам? Какой интерес может представлять комната, заставленная старьем: потрескавшимися сосудами – ретортами и лабораторными дистилляторами?

Если только...

– Ну, что ты видишь, ласка? – растерянно шепнул Бастьян позади меня.

Ласка – нежное прозвище, которым он меня наделил. Его натренированный глаз художника, дни напролет проводящего за мольбертом, мгновенно определял, на какое животное похож человек.

– Папа идет к люку подвала... – так же тихо ответила я.

Отец, которому всего сорок пять, внезапно превратился в сутулого старика. Он посмотрел вверх. Беспokoйные глаза встретились с моими, горящими в темноте. Показалось, что он хочет мне что-то сказать, открыть то, что долго скрывал. Только теперь слишком поздно. Дурное предчувствие сковало мне сердце: его уста никогда больше не произнесут этих невысказанных слов.

– Живее! – рявкнул инквизитор, раздраженно толкнув папу.

– Я работаю в лаборатории один, – продолжал настаивать отец.

Еще одна спасительная ложь. Мама, опытная травница, каждый день в лаборатории помогала ему с лечебными микстурами и настоями. Валер долгие годы обучался бок о бок с ними. Бастьян тоже проводил там много времени, растирая каменную крошку, чтобы добыть красящие пигменты для живописи.

По правде сказать, я единственная в семье никогда не спускалась в подвал. Что, если там происходит то, о чем я не знаю?.. Запрещенные практики, привлечшие внимание инквизитора?

Отец погрузился в темноту люка. За ним, следуя по пятам, спустились прелат и один из драгунов. Двое других остались снаружи, по обе стороны от матери.

Вскоре из подвала донесся грохот: звон стекла и лязг металла. Валер, прислонившись к моей спине, задрожал от ярости.

– Надо что-то делать! – шепнул он.

– Что именно? – беспомощно выдохнул Бастьян. – Одна надежда: они не обнаружат тайный ход.

Я изумленно уставилась на братьев, будто впервые увидела их. Я и раньше знала, что мы разные. Дело не только в каштановых волосах, отличавшихся от моих серебристых, и не в карих глазах, не похожих на мои серовато-голубые.

Хотя мы все трое погодки, но характеры у нас настолько разные, насколько это возможно. Валер унаследовал трудолюбие отца. Предполагалось, что позже он примет на себя управление лавкой. Бастьян обладал маминой утонченностью. В часы, свободные от рисования и грез, он, благодаря красивому почерку, подрабатывал деревенским писарем. Я же отличалась от всех: никакая работа меня не занимала.

А сейчас впервые почувствовала себя уязвленной: в собственной семье от меня секреты.

– О чем вы говорите? – потребовала я ответа. – Какой тайный ход?

– Лучше тебе не знать. – За стеклами очков взгляд Валера стал жестче. – Родители считают, что ты слишком непредсказуема.

– Какой тайный ход? – не унималась я, схватив его за запястье.

Старший брат, крепко сжав губы, потянул руку, которую я не намерена была выпускать, не получив ответа. Бастьян, испугавшись, что наша стычка привлечет внимание драгунов, вмешался:

– Я тоже ничего не знал до своего восемнадцатилетия, – признался он едва слышно. – И тебе, ласка, тоже бы сообщили. Я уверен: мама ждала твоего совершеннолетия, чтобы все рассказать.

– Рассказать что? – Я почувствовала, как мои внутренности перевернулись.

Меня ранило то, что любимый брат хранил от меня тайны. Он, мой самый близкий человек во всем мире, мой единственный друг. Ну а мама...

Я опустила взгляд к основанию лестницы, где она, находясь между солдатами, продолжала твердо стоять на ногах. Ее лицо по-прежнему было непроницаемым.

Мама всегда отличалась сильным характером, как и я, поэтому мы часто ссорились. Она была примером для подражания: многому научила меня, привила вкус к книгам и знала, как пробудить любопытство к окружающему миру.

В подростковом возрасте я обижалась на нее: зачем было разжигать во мне эту жгучее желание что-то узнать, куда-то уехать? Только для того, чтобы жить в неволе, подчиняясь комендантскому часу и запрету о невыезде? Я росла, а Крысиный Холм уменьшался, становился теснее. Осознание того, что мы навсегда заперты в этой деревушке, усиливало неудовлетворенность и разочарование.

– В подвале скрыта тайная дверь, – прошептал Бастьян, едва шевеля губами. – За ней – секретная комната, – лаборатория, где мама и папа проводят запрещенные алхимические опыты по поручению овернских фрондеров[2 - Фрондер – человек, восстающий против чего-нибудь из духа противоречия.].

Я хотела было возразить, что это невозможно. Что наши родители – обычные лавочники, занятые повседневной рутинной, а не заговорщицкой, рискующей жизнью ради заведомо проигранного дела. Всем известно, что алхимия как наука запрещена Факультетом. Всем известно, что фрондеры – это подписавшие себе приговор смертные, осмелившиеся восстать против Короля.

Ходили слухи, что эти пустые мечтатели использовали ту же энергию, что текла в крови вампиров: таинственную Тьму. С ее помощью хотели создать кощунственное оружие для свержения Вампирии. Но только это все сплетни! Ведь Вампирия – несокрушима!

– Родители никогда бы не позволили вовлечь себя в такое безумие! – горячо возразила я. – Они бы никогда...

Конец моей фразы потонул в оглушительном взрыве, от которого ходуном заходили стены дома.

2

Секрет

ОГЛУШЕННАЯ ВЗРЫВОМ, прогремевшим в подвале, я выпустила руку Валера.

Он бросился вниз по лестнице с криками:

– Папа! Мама!

Из открытого люка валил густой дым. В ушах гудело, в глазах щипало.

Зловещее предчувствие охватило меня. Братья правы. В подвале действительно находились запрещенные горючие вещества, и отец только что подорвал себя вместе с инквизитором, подарив нам шанс на спасение...

Оставшиеся в живых два драгуна разразились бранью. Прижимая шпаги и откашливаясь, они кинулись на поиски мамы, исчезнувшей в дыму.

Валер, стремительный, как вспышка молнии, схватил кухонный нож, забытый в углу буфета, развернулся и с удивительной ловкостью вонзил лезвие по самую рукоять в бок первого стражника. Но этот мастерский выпад оказался единственным удачным: брат споткнулся и под тяжестью собственного веса покачнулся над самым острием шпаги второго солдата, грозившего распороть ему шею.

Кровь застыла в моих жилах. Из кожаных кюлотов я выхватила рогатину, ту самую, из которой ранее подстрелила фазана. Просунула в нее острый камень,

который нашла в лесу этим утром, и яростно раскрутила оружие над головой... Но недостаточно быстро, чтобы остановить неизбежное. Из-за невероятной дрожи в руках снаряд пролетел мимо убийцы на добрый метр, вдребезги разбив вазу на обеденном столе.

Острие шпаги вошло в шею Валера. Из перерезанной сонной артерии на камин хлынула кровь, пурпуром окрашивая гравюру с изображением Короля. Голова брата отделилась от тела и покатилась по окровавленным плитам.

Вопль ужаса вырвался из моей груди.

Второй драгун встал, обжигая меня горячей ненавистью. Я лихорадочно пошарила в кармане, ища новую пулю для рогатины, но одеревенелые пальцы нащупывали пустоту. А убийца уже бежал вверх по лестнице, размахивая оружием.

В ту же самую секунду из-за угла библиотеки появилась мама. Лицо ее исказилось от боли. Она, подобрав длинный осколок вазы, с размаху вонзила его в плечо злодея:

– За моего сына!

Стражник остолбенел от неожиданности.

Мама схватила новый осколок, сжала его до крови в пальцах и со всей силы ударила снова:

– За моего мужа!

Солдат развернулся и одним движением клинка перерезал ей горло.

– Мама! – завывала я.

Прежде чем рухнуть, она нашла в себе силы в третий раз всадить осколок прямо в сердце врага. Остроконечный колпак стражника свалился на землю.

Два бездыханных тела замерли, прижавшись друг к другу в чудовищных объятиях, словно влюбленные. Тщетно Бастьян пытался удержать меня. Я вырвалась из его дрожащих рук и бросилась вниз по ступенькам.

– О, мамочка, – я обняла ее безжизненные плечи, сквозь рыдания снова и снова призывая очнуться. – Поговори со мной... скажи что-нибудь... Расскажи мне то, о чем вы с папой молчали. Расскажи, кем вы были на самом деле. Кто прятался за маской обыденности, над которой я так часто подшучивала?

В моих напряженных руках ее тело обмякло, как тряпичная кукла, подобная тем игрушкам, которые родители настойчиво дарили мне в детстве. Пока не поняли: единственный мой интерес – помогать Тиберту охотиться на крыс, отстреливая их из рогатки.

– Скажи мне что-нибудь, мама! Расскажи истории, как в детстве: басни Эзопа, сказки Перро или твои собственные, еще более чудесные.

Но с бескровных уст не слетело ни звука.

Мамино безучастное лицо расплывалось перед моими глазами, наполненными слезами.

Через ее неподвижное плечо Нетленный всё так же спокойно следил за мной, скрываясь за золотой маской. Его щеки покраснели там, куда попала кровь Валера.

Под этим пристальным взглядом я опустилась на колени, осторожно положила тело матери на пол, на рассыпанные полевые цветы, которые она собирала. Пальцы нащупали на ее шее цепочку с маленьким бронзовым медальоном, с которым она никогда не расставалась. Он был сломан: меч убийцы пробил звенья.

– Все... – раздался позади хриплый голос Бастьяна. Его прерывистое дыхание коснулось моего лица. – Они все мертвы.

Все мертвы?

К тому времени, как смысл этих невыносимо мучительных слов дошел до меня, раздался пронзительный свист. Первый стражник, которого Валер заколол перед смертью, пришел в себя. Распластавшись в луже, где его кровь смешалась с кровью моих родных, он дул в свисток из последних сил, подавая сигнал тревоги.

Значит, инквизитора ожидали снаружи его приспешники, готовые завершить расправу?

- Надо уходить, - запинаясь, произнес Бастьян.

- Уходить, - повторила я, не в силах оторвать взгляд от маминых волос. Волос, которыми она так гордилась. Теперь они плавали, словно алые водоросли, в луже, натекающей из разбитой вазы.

- Ну же, ласка!

Брат энергично потряс меня за плечи, выводя из оцепенения. Желая забрать частичку мамы с собой, я положила медальон в карман и поднялась.

- В лес! - прошептала я.

Туда, где в подростковом возрасте искала уединения, чтобы скрыться от унылых будней Крысиного Холма, чтобы побороть тоску, разъедавшую мою душу. Именно там, как подсказывал инстинкт, нужно искать спасения.

Мы пересекли лавку, благоухающую свежим воском и травяными настойками. Прошли мимо аккуратно расставленных горшочков. Я покидала место, где провела столько часов, изнывая от скуки и мечтая уехать на другой конец света.

Сняв со стены старую фетровую шляпу и натянув ее на голову, чтобы спрятать волосы, я вдруг поняла, что больше сюда не вернусь.

На деревенской площади царил тишина. Солнце, еще недавно слепившее глаза, успело скрыться за хижинами с плотно закрытыми на комендантский час ставнями. Как я и предполагала, снаружи, на другом конце площади, дежурили трое солдат. Вооруженные длинными копьями, они расположились перед

экипажем из темного дерева, запряженным лошадьми в блестящих пополах. Плотный черный бархат защищал окна.

Я инстинктивно склонила голову, чтобы скрыть лицо под широкими полями шляпы. Почему эти люди не бросились за нами вдогонку? Для них важнее охрана дилижанса... и его хозяина?

– Карета... вампира, – едва слышно произнес Бастьян.

Я с трудом сглотнула. Вспомнились ночи, проведенные за чтением тех самых книг, благодаря которым я узнала мантию инквизитора. Некоторые картинки изображали дорогие повозки из эбенового дерева, в которых передвигались повелители ночи, прячась от солнечного света.

Никогда еще я не встречала вампиров. Хотя с детства портрет основателя их империи наблюдал за мной с высоты камина. Хотя каждый месяц с самого рождения отдавала им в подписанной гематической бутылке десятую часть своей крови.

И вот, впервые в жизни, я оказалась в нескольких метрах от одного из этих существ, которые одновременно пугали меня, вызывали отвращение... и завораживали.

– Скоро стемнеет, и тогда у нас не будет шансов спастись от того, кто спит в карете, – забеспокоился Бастьян, насильно отрывая меня от созерцания загадочной повозки.

Мы прошли в тень переулка, подальше от глаз стражников.

– Обоняние вампира не сравнится даже с самой лучшей ищейкой, – объяснял брат по дороге. – Он с легкостью обнаружит наши следы в лесу. Нужно... спрятаться в другом месте.

– В другом? Но где? Вокруг нас двадцать грязных улочек, лес и замок на холме!

– Вот именно, – обрадовался Бастьян, вцепившись в мою руку, словно потерпевший кораблекрушение.

Брат перевел взгляд на ветхое здание на вершине крутой возвышенности, давшей название Крысиному Холму. То был не замок, а скорее древнее полуразрушенное поместье, где жил старый барон Гонтран де Гастефриш, сюзерен Крысиного Холма и окрестных деревушек. Несколько лет тому назад его жена умерла от лихорадки. С тех пор он и его дочь являлись единственными представителями знати в регионе. Они были освобождены от уплаты налога кровью, как и приходской врач.

– Иди за мной, – приказал Бастьян с внезапно обретенной уверенностью, которой я никогда в нем раньше не замечала.

В его больших, умных глазах зажегся огонек, та самая искра упрямой решительности, которую я так часто наблюдала у мамы. Сейчас, в этот момент, он напоминал ее, как никогда раньше.

Бастьян повел меня по извилистой тропинке наверх, туда, где в последнюю очередь я искала бы убежища.

* * *

Соломенные крыши домов давно исчезли за верхушками деревьев. Вскоре и флюгер в форме летучей мыши, три века назад заменивший крест на деревенской башне, исчез из виду. Тропинка петляла вверх, огибая холм.

Меня не отпускала навязчивая мысль, одни и те же слова, ужасным рефреном сверлящие голову.

Они все мертвы...

Боль в душе была такой нестерпимой, что даже на рыдания не хватало сил. Слезы отказывались течь: наш стремительный бег высушивал их прежде, чем они успевали пролиться на щеки.

Деревня скрылась из глаз. Нас никто не увидел: ни жители, запертые в домах, ни солдаты, охраняющие карету. Драгуны ни за что не узнают, в каком направлении мы движемся, чего не скажешь об обонянии их господина, который вот-вот проснется...

- Почему в замок? – еле ворочая языком от усталости, пробубнила я.

- Потому что... Фуух... У меня там свой вход.

Несмотря на то, что Бастьян выше меня на голову, дни, проведенные за мольбертом, не подготовили его к длительным пешим прогулкам. Мне приходится замедлять шаг, чтобы он не отстал.

- У тебя там свой вход? Что это значит? Новый секрет? Помимо тайного хода в подвале, который вы все от меня скрывали?

Как же плохо я знала свою семью! Я, всегда считавшая себя такой проницательной! Одержимая идеей покинуть отчий дом как можно скорее, я не замечала, что происходило под носом.

- Нет, – тяжело выдохнул Бастьян. – Этот секрет только мой... Фуух... Родители и Валер... фуух... не знали его... Фуух...

Он вконец утомился и медленно плелся позади меня. Я решила отложить расспросы до лучших времен.

Когда мы наконец приблизились к высоким кованым воротам замка, солнце, словно прощаясь, отбросило последний луч на листву.

- Они заперты! – воскликнула я, опустив руки на тяжелую цепь, спящей змеей свисавшую с решетки.

- Не совсем, – возразил Бастьян, весь в поту.

Он шагнул влево от остроконечных ворот в густые заросли. Плотные кожаные кюлоты надежно защищали мои ноги от колючих кустарников, но рукава рубашки тут же порвались.

Я заметила дырку в заборе, невидимую со стороны дороги. Время и ржавчина лишили ограду трех перекладин, образовав отверстие, достаточно просторное для человека. Бастьян привычно и легко пролез сквозь него. Да, он здесь явно не

в первый раз. Я последовала за ним и оказалась в парке, засаженном уродливыми кустарниками и искривленными карликовыми деревьями.

Поместье барона давным-давно пришло в запустение, если оно вообще когда-либо знало золотые времена. Сейчас это был всего лишь бесплодный клочок земли. Да и имя у него злосчастное: Гастефриш – «гнилая пустошь».

Ни на Крысином Холме, ни в соседних деревнях не осталось никого, кто бы знал, как обрезать по версальской моде вечнозеленый самшит.

Наш путь пролегал через неухоженный сад, брошенный на произвол судьбы. Мы бесшумно перебежали от одних кустов к другим, прячась от охранника, который наблюдал за воронами во дворе замка. Обойдя заросшую мхом статую нимфы, оказались на заднем дворе. Каменные стены были пронизаны темными бойницами, за исключением самой высокой и широкой, с небольшим балконом, увитым плющом. Отблески свечей танцевали за легкими занавесками.

– Служебная дверь никогда не запирается, – заверил меня Бастьян.

– А слуги?

– Барон ужинает рано и отпускает своих людей по домам до наступления ночи.

Откуда ему известны такие подробности? Я поспешила за братом. Он уже толкал трухлявую деревянную дверь, открывая вход в родовой дом барона Гастефриш. Она бесшумно закрылась за нами. Мы погрузились в полную темноту

– У тебя есть огонь? – прошептал Бастьян.

Трутовая пастушья зажигалка и перочинный ножик всегда со мной. Я прокрутила кремневое колесико огнива. Через несколько мгновений на кончике фитиля появились искры. Брат приблизился к масляной лампе, которая, казалось, только и ждала нас.

– Иди за мной, ласка.

– Куда?

Бастьян осветил лампой свое лицо.

Он всего лишь на год старше меня, но я всегда относилась к нему как к младшему брату. Бастьяну, с его худосочным телосложением, обычно требовалось несколько дней на восстановление после ежемесячного забора крови для обязательной десятины. Папе приходилось поить сына настойкой из корней горечавки, в то время как я, напротив, уже через час после кровоспускания была на ногах.

Гуморальная теория[3 - Согласно гуморальной теории в человеке текут четыре основные жидкости (гуморы): кровь, флегма (слизь), желтая желчь и черная желчь.], проповедуемая гематическим Факультетом, подобное явление объясняет тем, что в каждом человеке преобладает та или иная физиологическая жидкость.

Например, у холериков, подобных Валеру, избыток желтой желчи, что делает их злыми и нервными. У флегматиков, как Бастьян, преобладает флегма. Поэтому они частенько выпадают из реальности и погружаются в задумчивость и грезы.

Я – исключение: смешанный гуморальный тип, а согласно диагнозу отца – меланхолик и сангвиник. Избыток черной желчи от бездействия вгоняет меня в тоску и мрачные мысли. А бурная активность, напротив, заставляет кровь кипеть: я становлюсь импульсивной и вулканически взрывной.

Кроме захватывающей охоты, именно присутствие Бастьяна часто помогало мне успокоиться и правильно перераспределить поток противоречивых эмоций.

Сколько часов я провела рядом с братом, растянувшись с ним на траве и разглядывая облака! Мое мрачное воображение рисовало жутких монстров и сцены убийств, а брат в это же время угадывал сияющих пегасов и волшебные фейерверки!

Деревенские дети часто дразнили Бастьяна сумасшедшим из-за его мечтательной отрешенности; а меня – ведьмой из-за серебряных волос. Именно я защищала маленького брата от всех, кому вздумалось повеселиться за его счет. С ведьмой шутки плохи!

Однажды в подростковом возрасте я пришла к нему на помощь, когда он, пытаясь отыскать в лесу хорошее место для работы на пленэре, не нашел обратной дороги и заблудился. Но сегодня, впервые, старший брат решительно повел меня сквозь темноту.

– Давай поднимемся в комнату Дианы, – мягко предложил он.

– Дочери барона?

Она, наверное, моя ровесница или чуть старше. Я никогда с ней не разговаривала.

Жители деревушки обычно видели семью барона один раз в году, 21 декабря, в церкви, когда поданные королевства встречают ночь Тьмы, – самую длинную ночь в году, заменившую им старое доброе Рождество.

Что общего у брата с баронессой? Он из простолюдинов, к которым вампиры относятся как к скоту. Она – благородная смертная, приближенная к элите.

Если только?.. Я вдруг вспомнила о прошлогоднем приглашении в замок. Дело было летом. Барон заказал Бастьяну портрет дочери, достигшей брачного возраста. Сейчас, как и тогда, удачный портрет был лучшим способом найти достойного жениха в чужих краях.

Но, как и умелых садовников, художников на Крысином Холме не сыскать. На самом деле мой брат – единственный во всей округе, кто мог справиться с этой задачей. Две недели провел Бастьян в доме барона, рисуя наследницу.

– Диана и я... Мы любим друг друга, – застенчиво пробормотал он, подтверждая мои догадки. – Я поклялся спасти любимую от брака по расчету, для которого ее отец заказал портрет.

Бледная улыбка озарила потное лицо брата. Улыбка невинного романтика, несмотря на полный кошмар в реальности.

– Мы решили бежать, она и я.

Бежать? Куда? Мне вдруг захотелось схватить его и хорошенько встряхнуть. Я тоже, сколько помню себя, мечтала уехать! Бросить вызов закону о невыезде, навсегда, до самой смерти приковавшему простолюдинов к родным местам! Но я – не наивная мечтательница, как брат! Я знаю: это невозможно.

– Диана поможет на время спасти наши шкуры, – продолжал Бастьян, поднимаясь по скрипучей лестнице. Голос его вибрировал от радужных надежд. – В глубине комнаты стоит глубокий шкаф. Там я частенько скрывался, когда появлялся слуга.

– Ты хочешь сказать... Вы виделись и после окончания сеансов позирования? – изумилась я.

– Каждую неделю, в течение года. У нас нет секретов друг от друга.

Поднимаясь по последним ступеням, я припомнила летние послеобеденные часы. Бастьян подолгу отсутствовал, возвращался поздно и без единого эскиза. Теперь понятно, где он проводил время: в объятиях девушки, поцелуй которой, если о нем узнают, может обречь брата на смерть!

В коридоре, наполненном мерцающим светом масляных ламп, мы остановились возле лакированной двери.

Бастьян осторожно процарапал замысловатый узор на стене, который, видимо, являлся своеобразным паролем для входа в комнату. Открытая дверь приведет нас либо к спасению... либо к нашей гибели.

3

Убежище

ДВЕРЬ РАСПАХНУЛАСЬ, и мы увидели баронессу в длинном пеньюаре.

Этот вид домашнего платья, изобилующего кружевами, соответствовал представлениям аристократов о простоте, когда их неожиданно заставляли в

домашней обстановке.

Девушка сидела за туалетным столиком возле открытой стеклянной двери балкона и расчесывала длинные светлые волосы. Легкая прозрачная занавеска едва заметно колыхалась от дыхания ветра. В наступивших сумерках единственным источником света служил канделябр с оплывшими свечами. Из темноты над мраморным камином с тлеющими угольками улыбался ее портрет. Я догадалась: работа моего брата, вернувшаяся в отчий дом после путешествия в неизвестный королевский двор. Остальная часть комнаты была погружена в полумрак.

- Диана! - воскликнул Бастьян, протянув к ней дрожащие руки.

Диана - имя римской богини охоты. Барон - страстный любитель псовой охоты - не стеснялся пускать коня по полям пшеницы, чтобы загнать оленя.

- Случилось непоправимое. Мой отец, мать и Валер...

Голос брата сорвался, сдерживая рыдания. До самой встречи с возлюбленной Бастьяна поддерживали безумные призрачные ожидания. Но упоминание о родных вернуло к кошмарной реальности.

- Они убиты, - закончила я за брата. - Мы - единственные выжившие.

У меня нет выбора: я должна доверять этой девушке, на которую Бастьян возлагал надежды. Баронесса пропустила нас и бесшумно закрыла дверь.

Тишина, мертвенно-бледное лицо и ослепительно белое платье девушки делали ее похожей на... привидение. Неужели известие о судьбе моей семьи привело ее в такое состояние? Нет: мне кажется, на ней не было лица уже тогда, когда отворилась дверь...

Бастьян заполнял молчание возлюбленной беспорядочным потоком слов:

- Появился инквизитор... В сопровождении солдат... Они обнаружили секретную лабораторию родителей. Ту самую, о которой я тебе рассказывал...

Каждое его слово, словно удар кинжала в сердце. Бастьян не только рисковал жизнью, ухаживая за дворянкой, ведь титул барона – высший ранг смертной знати. Он рисковал жизнью всех нас, посвятив предмет своей любви в страшную тайну, которая мне стала известна менее чем час назад.

Брат признался ей, что наша семья в сговоре с Фрондой. Ей, дочери вельможи, следящего за исполнением законов Короля на Крысином Холме! Осознает ли он свое безрассудство? Или настолько ослеплен любовью?

– Инквизитор прибыл в эбеновой карете, – продолжал Бастьян, прерывисто дыша. – Но вампир, сидящий в ней, и не подумает прийти за нами сюда, в замок. В твоём платяном шкафу мы с сестрой будем в безопасности. Аромат твоей одежды замаскирует наши запахи, скроет наш след, ведущий от деревни. На рассвете карета уедет, и мы тоже покинем замок, как я тебе обещал. Ты и я, и моя дорогая Жанна! Втроем пересечем моря и доберемся до далекой Антиподы.

Антиподы? Той вымышленной страны, которая, согласно легенде, свободна от вампирического ига, господствующего во Франции, Европе и во всем известном нам мире?

– Но Антиподы нет, Бастьян! – вмешалась я.

– Откуда ты знаешь? Ты часами зачитывалась романами, представляя, как плывешь по семи морям, чтобы попасть на край света. В Америку. В Африку. Или даже в Японию. Так почему не в Антиподу, а, ласка?

– Вот именно: представляла! Я фантазировала, точно так же, как мы с тобой забавлялись, разглядывая облака!

На протяжении многих лет оптимизм брата вызывал улыбку, раскрашивая мрачный мир вокруг. Но сегодня он меня разочаровал.

– Облака – это сгустки пара, Бастьян! Мираж! – повысила я голос. – И я не ласка: я простолюдинка, осужденная, как и ты, на вечный закон о невыезде. Выхода нет. Тьма повсюду. По всей Вампирии и за ее пределами.

Но брат не желал меня больше слушать. Вечно погруженный в свои фантазии, он действительно оторвался от реальности и уже торопился к знакомой дверце шкафа.

В этот момент, впервые с тех пор, как мы вошли в комнату, Диана де Гастефриш открыла рот. Ее голос был похож на нее саму: призрачный, легкий, словно дуновение ветерка. Хрупкий, как безжизненный род, последним представителем которого она являлась.

- Мне очень жаль, любовь моя, - прошептала она.

- Нам надо быть смелыми, муза моя, - ответил Бастьян. - Ты должна вести себя так, будто ничего не произошло, и лгать отцу до самого побега. Мы же с Жанной будем оплакивать ушедших, но позже.

У меня сложилось ужасное впечатление, что он неправильно понял смысл слов Дианы. Опьяненный собственными чувствами, он не уловил в голосе возлюбленной ноток вины.

- Почему же вам жаль, Диана? - спросила я, охваченная тревожным предчувствием.

Она обратила ко мне тусклые, затуманенные глаза.

- Это не моя вина, - залепетала девушка. - Я не выдавала тайну вашего брата, клянусь. Но...

Она захныкала. Слезы потекли по ее бледным щекам.

- Но?.. - повторила я, чувствуя, как учащенное сердцебиение отдается в моих висках.

- Но отец подслушивал за дверью, когда Бастьян приходил сюда в последний раз. Он узнал о нас. О нашей связи, плане побега, о тайне вашей семьи. Ему известно все. Он мог бы схватить Бастьяна на месте преступления, но предпочел отпустить его, чтобы позже избавиться от вашей семьи. Я хотела сбежать, чтобы предупредить, но не смогла. Меня посадили под замок и приставили охрану.

Голова моя пошла кругом. Вот кто привел инквизитора на Крысиный Холм! То была не проверка, нет. То был донос!

Глаза брата расширились, как у лунатика, очнувшегося на пороге пропасти. Он отпустил дверцу шкафа. Я взялась за ручку входной двери, но она провернулась под моими пальцами прежде, чем я потянула ее на себя. Снаружи кто-то был. Кто-то с силой толкал ее!

– Бастьян! – вскрикнула я, отскакивая.

Дверь с грохотом открылась. Стражник, который, как мы думали, дремал в коридоре, теперь бодрствовал, размахивая шпагой. Зловещая тень нависла за ним. Барон.

– Я так и знал! – завопил он. – Нищий, посмевавший прикоснуться к моей дочери, пришел искать убежища здесь, за ее юбками!

От злобы и гнева тяжелый пыльный парик, похожий на шкуру околевшей овцы, съехал на его морщинистый лоб. Полинявшие желтые кудри разметались по сгорбленным плечам и худой груди.

– Несчастный! Может, тебе и удалось сбежать от инквизитора, но твоя жалкая попытка закончится здесь. Матюрен, проткни его, как грязную свинью!

Обнажив клинок, охранник бросился на брата.

– Отец, смилуйтесь! – выкрикнула Диана.

Я не успела вмешаться, а застывший от шока Бастьян увернуться. Железо вонзилось в живот любимого брата. Он согнулся пополам без единого стога. Я потеряла дар речи. Диана заорала так, будто это ее пронзил стальной меч:

– Нет!

– Молчи! – приказал барон. – Лучше погляди на преимущества: убив этого ползучего гада, я, возможно, наконец-то получу свою трансмутацию, которую ждал целую вечность!

Опьянев от боли, со слезами на глазах, я пыталась восстановить дыхание. Мой Бастьян мертв, а рядом гнусный старик предвкушает радость от предстоящей покупки трансмутации. Этого Грааля всех смертных вельмож, желающих подняться на вершину вампирической знати до своей смерти!

Пошатываясь от отчаяния и ненависти, я вышла на балкон. Охранник вынул клинок из тела Бастьяна и вопросительно посмотрел на хозяина.

- Чего ты ждешь, идиот? - рявкнул барон. - Прикончи ее!

Бездушный солдафон, опустив голову, бросился за мной. Надо взять себя в руки! На охоте я попадала в переделки и похуже. Меня преследовали кабаны, намного превосходившие в массе тела. В таких случаях хитрость - единственное решение, чтобы выжить.

Глотая слезы, я быстро спряталась за занавеской балкона. Стражник бросился в мою сторону, чтобы пырнуть ножом. В этот самый момент я отпрыгнула в сторону. Не встретив моего сопротивления, сила ускорения увлекла массивное тело убийцы в пустоту, порвала хрупкую ткань шторы и сбросила мерзавца с пятнадцатиметровой высоты.

В оцепенении я отодвинула порванные занавески и повернулась лицом к комнате. Над безжизненным телом последнего члена моей семьи стояли представители рода Гастефриш. Дочь заливалась горячими слезами, а ее отец держал рапиру, украшенную золотой рукоятью.

Этому маленькому старичку, разлагающемуся под тяжелым старомодным париком, было глубоко за шестьдесят. Он стоял напротив, вооруженный длинным копьем. У меня же для защиты имелся только маленький перочинный нож для свежевания зайцев. Я в руках злодея. Сейчас он с легкостью пронзит меня насквозь, прежде чем я смогу хотя бы поцарапать его.

Не раздумывая, я прыгнула к Диане, прижав лезвие ножа к ее горлу.

- Еще один шаг, и я убью ее! - предупредила я, сдерживая страх, от которого дрожал мой голос.

Гримаса отвращения исказила пергаментное лицо барона.

– Я узнал тебя. Ты – дочь Фруаделака. Того, кто, по слухам, браконьерствует в моих землях. Тот глупый жандарм так и не смог поймать вас на месте преступления. Плевать на доказательства! Сегодня я сам вершу правосудие, как и полагается мне по праву господина! Я приговариваю тебя к немедленной смерти!

Старик приближался ко мне, размахивая направо и налево рапирой, заставляя меня отступать на балкон вместе с жертвой. Учитель фехтования, должно быть, показал барону в его далекой молодости много приемов. Меня же никто и никогда не тренировал. Но благодаря частым встречам с дикими зверями в лесу мои инстинкты были заточены на выживание. Чувствуя себя куропаткой против лисы или ланью против волка, я знала, что лишь секунды отделяют меня от смерти.

И сегодня эти секунды я использую в своих интересах. В тот момент, когда моя нога ступила на порог, отделяющий комнату от балкона, я изо всех сил оттолкнула Диану от себя на острие рапиры ее отца. Без колебаний и без сожалений! Девушку, из-за неосторожности которой мы попали в фатальную ловушку! Предательницу, из-за которой погибла вся моя семья.

Острие шпаги вонзилось в кружевные цветы пеньюара, которые мгновенно превратились в пунцовые маки. Барон, минуту до этого с ловкостью юноши преследовавший меня, вдруг превратился в жалкого оторопевшего старика.

– Моя... моя дочь... – не веря глазам, прошептал он тусклым голосом.

Враг потерял бдительность, а я получила шанс, которым не преминула воспользоваться. Один-единственный удар, который должен стать смертельным.

Я прыгнула на барона и воткнула короткое лезвие перочинного ножа между блеклыми локонами его парика, прямо в бровь. Багряный дождь крови обрызгал меня.

– Вот она, твоя трансмутация! – прорычала я.

Старик рухнул.

Комната утопала в крови окружающих меня мертвецов, ушедших друг за другом всего за какой-то неполный час.

В это же время за распахнутым окном раздался истошный звон колокола деревенской церкви. Не чистый перезвон, отмечающий время суток. Нет. Оглушительный набат, возвещающий о наступлении ночи и начале комендантского часа.

Мистический, животный ужас охватил меня, отменяя все чувства. Я как будто увидела, как там, на деревенской площади, дверь кареты эбенового дерева открылась, выпустив пассажира, обладающего сверхъестественным чутьем.

Когда он появится в замке, привлеченный кровью, запах которой ничто не способно заглушить? Вопрос лишь нескольких минут! И в этот раз ни мой верный нож, ни мои охотничьи инстинкты – ничто не спасет меня.

Руки повисли вдоль тела, которое внезапно стало таким же безвольным, как три трупа, распростертые передо мной. Ощущение абсолютной беспомощности свинцовым покрывалом легло на плечи. Не в силах устоять на ногах, я повалилась на ковер, нитяное плетение которого постепенно пропитывалось кровью.

Все потеряно! Моя смерть, я чувствую, будет страшной и мучительной. Самые страшные пытки достаются тем, кто осмелился поднять руку на дворян.

Вампир не удовлетворится тем, чтобы убить виновную одним ударом. Когда я предстану перед ним в этой комнате с телами хозяина дома и его дочери...

Внезапно меня осенила мысль. Безумная и спасительная.

Я поспешила расшнуровать кожаные кюлоты, быстро разорвала рубашку и бросилась к Диане, чтобы стянуть с нее пеньюар с длинными рукавами. Липкие от крови ленты соскальзывали с непослушных пальцев, но мне все-таки удалось распутать их. Я надела надушенное льняное платье. Оно село так, словно шилось по мне.

В свою очередь стройная фигура баронессы идеально вписалась в мой охотничий наряд. Я оставила себе только трутовую зажигалку и миниатюрный мамин медальон, спрятав их в карман пеньюара.

Сорвала с безымянного пальца трупа перстень с гербом Гастефриш – ворон, раскинувший крылья, – и надела себе на палец. Чтобы завершить перевоплощение, сняла и отбросила в дальний угол свою фетровую шляпу, позволив моим довольно коротким волосам все же прикрыть щеки.

Потом занесла перочинный нож над мертвой девушкой и обрушила его на ее лицо несколько раз, прикрыв глаза, чтобы не видеть, как нежные черты, столь любимые моим братом, превращались в неузнаваемую кашу.

И напоследок, чтобы придать последний штрих погребальной сцене, проткнула руки баронессы одной из ее заколок, имитировав пункцию для десятины. Разжала неподвижную руку девушки и вложила в нее свой окровавленный перочинный нож.

Задыхаясь, я встала. Меня мутило от только что совершенного кровопролития. Взгляд упал на зеркало туалетного столика. Вместо своих глаз я увидела две черные бездонные ямы. Растрепанные волосы серебристым шлемом обрамляли мое лицо, отупевшее от ужаса. Сквозь тонкую ткань пеньюара грудь двигалась в рваном ритме, сотрясаемая рыданиями паники и икотой смеха.

Да, я смеялась. Нервно, безумно, не в силах остановиться, видя свое отражение в одеждах знатной аристократки. Какой уродливый маскарад! Какой зловещий гротеск!

В этот момент порыв морозного воздуха загасил свечи канделябра. Всколыхнул ледяным дыханием занавески балкона. Стылой пощечиной ударил по лицу.

Безумный смех застыл в горле. Я медленно развернулась. В оконной раме угадывались очертания высокой человекоподобной фигуры. Смутная тень на фоне новорожденной ночи.

Вампир.

Нет необходимости видеть, чтобы понять: это он. Я никогда не была рядом с живыми мертвецами, но читала о них в книгах. И сейчас каждая клеточка моего тела кричала: я стою напротив одного из них.

Холод – фирменный знак представителей Тьмы и стал основой эры холода, воцарившейся на земле с приходом повелителей ночи.

Всего несколько минут прошло с тех пор, как отзвенел набат. Достаточно для вампира, чтобы понять: двое смертных избежали резни в аптеке. Достаточно, чтобы быстро взойти на холм, к замку, на дорогу к которому у нас с братом ушло добрых три четверти часа. О том, что он взобрался на балкон по гладкой стене словно ящерица, я предпочитала не думать.

– Это... этот юноша и эта девушка... – заикаясь, прошептала я, показывая на тела Бастьяна и Дианы. – Убийцы, которые пришли перерезать нам глотки.

Я – тот самый фазан, что был подстрелен мной сегодня утром. За несколько секунд до своей смерти.

Я – тот самый заяц, который попал в мой капкан на прошлой неделе. В тот самый момент, когда силки сомкнулись на его хрупкой шейке.

– Они появились неожиданно... Я сидела за туалетным столиком, – продолжала я, подняв дрожащую руку к волосам. – Моему отцу ценой собственной жизни удалось одержать вверх. После жестокой борьбы. Кровь на мне – это... это кровь папы.

– И Его Величество отблагодарит за это, мадемуазель.

Голос существа спокойный, глубокий и гармоничный. И все же от него мои волосы встали дыбом.

Я нервно одернула рукав домашнего платья, прикрывая багровые шрамы на руках – следы неоднократных кровопусканий. Клеймо простолюдинов, обязанных сдавать десятину. Похожий след второпях я оставила на трупке баронессы.

– Эти жалкие людишки были опасны. – Вампир медленно приближался ко мне. – И коварны: заставили меня проделать долгий путь из Клермона после того, как я получил письмо вашего покойного батюшки. Они убили инквизитора и трех стражников, а затем пришли в замок, чтобы навсегда посеять здесь горе. Но теперь эти отщепенцы никому не причинят вреда.

Из тени появилась белая изящная рука, облаченная в шелковый рукав, украшенный фестонами. Мраморная ладонь с длинными пальцами, кажется, подавала мне знак.

Я положила на нее дрожащую руку. Ледяная поверхность статуи коснулась моей кожи. Слабый свет луны, проникавший сквозь занавески, осветил украденный у Дианы перстень. Его золотой блеск сверкнул на безымянном пальце.

– Вы единственная дочь барона, не так ли? – поинтересовался вампир.

Я кивнула. Горло сдавило, говорить было трудно.

Уловка удалась: гость никогда не видел девушку, за которую я себя выдавала. Запах моего происхождения, похоже, отлично маскировался духами, пропитавшими пеньюар.

Но достаточно вампиру повернуться и оглядеть комнату, чтобы обнаружить над камином портрет. Не мой портрет! Хватит ли у меня наглости утверждать, что это родственница? Хватит ли у незваного гостя любопытства осмотреть изуродованный труп, чтобы найти сходства?

В данный момент все его внимание направлено на меня.

– Боюсь, что теперь вы сирота, мадемуазель... Мадемуазель?

– Диана, – выдохнула я.

Это имя, как погребальный саван жертвы, который мне еще предстоит надеть. Оно странно похоже на мое собственное, будто предопределено судьбой. Баронесса позаимствовала его у великой богини охоты, и теперь оно досталось мне – браконьерше на землях ее отца.

– Не волнуйтесь, Диана, – прошептал вампир. – Его Величество умеет быть щедрым к смертным, которые жертвуют собой ради него.

Он наклонился вперед. Сначала его роскошный, цвета ночи, редингот высветился в лунном свете, затем жабо рубашки с крупной сапфировой брошкой и, наконец, вся голова, похожая на голову статуи.

Бледный цвет лица контрастировал с длинными волосами, темно-рыжими и шелковистыми, совсем непохожими на бесформенный пыльник, покрывавший голову барона. Меня поразила юношеская красота этого идеально симметричного лица: гладкая тонкая кожа, полные губы и густые рыжие брови, будто нарисованные на фарфоре.

Можно предположить, что он мой ровесник, по крайней мере был в ту ночь, когда стал вампиром. Только кто скажет, сколько лет прошло с тех пор? Если его трансмутация произошла одновременно с Королем, то, значит, он заражал землю почти триста лет!

В этой иллюзии молодости, этой ангельской наивности таилась одна деталь, выдававшая природу монстра: зрачки. Два черных диска, расширенных настолько, что они поглощали почти весь белок глазных яблок. Как у кошек и сов, глаза вампиров легко адаптируются к окружающей темноте. И видят ночью, как днем...

– Мое почтение, – произнес он, склоняясь над моей рукой, чтобы поцеловать. – Александр де Мортанж виконт Клермонский.

Я отвернулась, сдерживая крик. В эту минуту его губы ледяным бархатом коснулись тыльной стороны моей кисти.

И снова мой обезумевший взгляд остановился на зеркале туалетного столика. Я видела только себя в испачканном пеньюаре, цвет которого, по мере окисления крови, постепенно темнел. Лицо живого мертвеца не отражалось, как и его руки. Роскошные парчовые одежды в зеркале были наполнены пустотой.

Значит, это не миф. Вампиры, эти бессмертные демоны, не имеют отражения...

– Сегодня ночью я отвезу вас в Версаль, где буду свидетельствовать перед Двором об успешной операции против Фронды, – проговорил он, выпрямляясь.

Его бледные губы растянулись, обнажая два длинных острых клыка, поблескивающих, как агаты.

– И через несколько дней, благодаря милости Тьмы, вам, Диана де Гастефриш, будет оказана честь стать подопечной Короля!

4

Отъезд

СТРАХ ПАРАЛИЗОВАЛ МЕНЯ.

Тело будто пришили к черной коже кареты. Вибрации экипажа эхом отдавались в костях.

Напротив меня на банкетке неподвижно сидел Александр, созерцая ночной пейзаж, проплывающий за окном.

Трудно поверить: всего час назад я спустилась, опираясь на руку вампира, к ожидавшей нас карете. По дороге нам не встретилось ни одной живой души. Вслед за жителями деревни слуги барона спрятались в своих домах, соблюдая комендантский час. А может, чувствуя присутствие в замке повелителя Тьмы?..

С окаменевшим взглядом на скульптурном лице де Мортанж напоминал статую. Даже слабого дыхания не доносилось с его стороны. Единственное движение во всей фигуре создавали роскошные, рыжие волосы, мягко танцующие в ритме колес.

В детстве я иногда наблюдала, как отец готовил тела умерших к погребению. Поговаривали, что после смерти ногти и волосы трупов продолжали расти. В случае с вампирами это, безусловно, так. В то время как смертные джентльмены и благородные дамы украшали себя эффектными париками и шиньонами,

повелители ночи не нуждались в подобных ухищрениях. Их волосы, напитанные кровью простых смертных, блестели сверхъестественным здоровьем...

Я стиснула зубы, подавляя стон, готовый вырваться из груди.

Передо мной мертвец, полный жизни. Таков парадокс вампира. Живой мертвец, способный после абсолютного окаменения двигаться со сверхъестественной скоростью. Это, до недавних пор, абстрактное для меня знание, сегодня получило наглядное подтверждение.

Покрывало, которое повелитель ночи накинул мне на плечи, не защищало от ледяного холода, исходившего от его тела. Но больше всего страшила жуткая, мертвая тишина, повисшая в карете. В ней не было ни малейшего звука. До нас доносился лишь скрип колес, стук копыт и редкое цоканье кучера на козлах, подбадривающего лошадей.

Ночь стремительно увозила меня в неведомые края, где я никогда не была. Тело онемело, разум, слишком утомленный, чтобы оплакивать всех, кого потеряла, оцепенел.

* * *

– Желаете перекусить, мадемуазель?

Я медленно открыла глаза и тут же их закрыла: ослепительно-яркие лучи света пролились на меня сквозь приоткрытую дверцу экипажа. Пришлось поморгать несколько раз, чтобы прогнать выступившие слезы. Постепенно перед глазами появились очертания сиденья, обитого черной кожей. Банкетка напротив оказалась пустой. Как будто с наступлением утра вампир испарился. Как будто вчерашние события были дурным сном.

– Мадемуазель, вы голодны? – вновь поинтересовался драгун. Он держал плетеную корзинку с теплым хлебом и беконом.

Мои мышцы, обездвиженные за ночь, вновь обрели гибкость, а разум – смелость. В посвежевшей голове мелькнула мысль: бежать. Во что бы то ни стало! И как можно скорее!

Стражник не улыбался, хотя и говорил со мной учтиво, как ему, несомненно, было приказано. Его глаза внимательно следили за мной. Со спины драгуна свисало ружье, с пояса – шпага. Я вспомнила, как такой же клинок обезглавил Валера и перерезал горло матери. У меня перехватило дыхание.

Сдерживая душевную боль, я взяла протянутую корзинку, одновременно выглядывая за дверцу, чтобы оценить шансы на побег.

На запятках под черным кожаным тентом громоздились пристегнутые к карете железные сундуки. На них, должно быть, всю ночь путешествовали стражники.

Сейчас они завтракали на траве, заглатывая пищу большими кусками. Что касается пятого пассажира...

– Вампи... виконт, – поспешила исправиться я. – У... ушел?

В глазах мужчины появился страх. Он хмуро буркнул:

– Виконт здесь.

Я открыла было рот для дальнейших расспросов, но одно лишь упоминание о господине привело драгуна в нервное состояние.

– Ну так я вам оставлю немного еды на случай, если захочется перекусить, – проворчал он. – Мы должны трогаться без промедления, если хотим прибыть в Версаль послезавтра.

– Подождите! – воскликнула я, растерявшись. – Виконт здесь? Почему я не вижу его? В Версаль? Послезавтра? Но я думала, что дорога из Оверни в Иль-де-Франс занимает неделю.

Ответом мне был хлопок закрывающейся двери. Следом послышался щелчок замка, не оставляющий надежд на спасение.

Карета возобновила движение. Я опустила глаза на пол, в центре которого блеснуло железное кольцо. Ручка люка! До сих пор я не замечала его. Так вот

где прячется вампир от дневных солнечных лучей. Прямо под моими ногами!
Ближе ко мне, чем когда-либо.

* * *

Весь предыдущий день и всю ночь я провела в состоянии протрации. Теперь же осознание того, что вампир затаился в нескольких сантиметрах от моих ног, не давало покоя. Сомнения, охватившие меня, по капле вливали в вены свой парализующий яд.

Как и все смертные, я слышала о двух способах убийства вампира: либо вбить деревянный кол в его сердце, а затем отрубить голову, либо надолго оставить на солнце, чтобы он сгорел.

Может, потянуть за железное кольцо? Попытаться открыть люк, чтобы спящий там монстр попал под лучи солнца? Мучило неистовое желание поступить именно так. Но я боялась, что не смогу удержать монстра на свету дольше нескольких секунд. Если вчера он прибыл в замок со скоростью ястреба, то что помешает ему сегодня задернуть штору прежде, чем солнце коснется его кожи? И тогда наступит моя глупая смерть.

Я мучилась, не зная, что предпринять. Чувствовала, как избыток черной желчи проникал в мозг, вызывая привычную мигрень. Виски словно тисками сжимало, а свинцовые тучи нагоняли мрак за окном.

Мы на пороге осени. Густая прохлада короткого лета немного задержалась на равнине. Но уже через несколько недель ударят морозы.

Иногда за поворотом возникала деревушка, такая же заброшенная, как Крысиный Холм, с такой же затхлой жизнью, как у меня. Пробегали часы, а вместе с ними неумолимо садилось солнце.

Постепенно мое отражение все отчетливее проступало на поверхности темнеющего окна кареты. На тонком лице, обрамленном густым каре светлых волос, особенно выделялись серые глаза, жмурящиеся от головной боли. Мордочка ласки, как нежно называл мое лицо бедный Бастьян. Ласки, попавшей в клетку.

День незаметно перешел в вечер. Вечер – в сумерки. И вот наступила ночь. Только тогда люк, глаз с которого я не спускала весь день, приподнялся, выпуская ледяное дыхание. Из зияющей пустоты сначала показалась белая рука, затем появилось тело. Вампир вынырнул из недр дыры с такой сверхъестественной легкостью, будто невидимая сила подняла его.

Жабо рубашки топорщилось, напоминая похоронный цветок. Он смахнул пыль с синего бархата редингота, вздымая сверкающее в лунном свете облачко пыли. Пробежался по клавишам невидимого фортепьяно, снимая напряжение в длинных пальцах.

– Добрый вечер, мадемуазель, – поприветствовал Александр, поклонившись.

Взгляд его черных глаз меня заморозил. Ни мешков, ни прочих следов сна, присущих обычным смертным.

– Добрый вечер, месье, – ответила я одними губами.

Мысль об опасности заставила забыть о головной боли.

Забавно называть это существо «месье». Он выглядел так молодо. Моложе, чем вчера в комнате баронессы. Может, оттого, что убрал копну рыжих волос назад, подвязав их на затылке а-ля катоган[4 - Катоган – прическа на парике, при которой волосы сзади стягиваются лентой.]? Это еще больше подчеркнуло юношескую привлекательность его лица.

Заметив мой взгляд, вампир объявил:

– Вы можете избавиться себя от парика, если вам так удобнее. Я не возражаю. Никогда не видел ничего подобного: натуральные волосы, смешанные с серебряными нитями. Это очень дерзко!

Я содрогнулась, услышав его слова. Серебро запрещено во всей Вампирии: если чеснок раздражал бессмертных, то этот металл был для них ядовит.

– Это не парик. Это мои настоящие волосы. Без грамма серебра, спешу уточнить.

– Неужели?

Он снова изучающе посмотрел на меня, как энтомолог на панцирь насекомого, затем добавил:

– Ваши волосы – эпатаж!

Не зная, что ответить, я улыбнулась. Но вышла гримаса, перекосившая мое лицо.

– Я не похож на других овернских вампиров, которых вы, возможно, встречали, – продолжил живой мертвец, не догадываясь, что он первый из них, кого я встретила. – Прошу вас, не ставьте меня в один ряд с древними ископаемыми вроде маркиза Риомского или графа Иссуарского. От них несет нафталином. Эти пугала носят одну и ту же одежду в течение ста лет! Я, чтобы идти в ногу с модой, каждый сезон заказываю себе гардероб из Парижа.

Он гордо расправил лацкан редингота, который действительно выглядел модным и ладным, идеально сидящим на его атлетической фигуре.

– Поверьте, мне не место в Клермоне. Я целую вечность мечтал только об одном: как можно скорее убраться оттуда.

Речь Александра озадачила меня. Он изъяснялся на современном языке. Использовал тот же сленг, что и братья. А прежде всего, его отношение к другим овернским вампирам! Сколько раз отец ругал меня, когда я легкомысленно, без должного уважения отзывалась о повелителях ночи!

– Я другой, – мой собеседник расправил жабо. – Абсолютно современный. И даже, осмелюсь заметить, опережающий время, которое отказывается эволюционировать. Без сомнения, слишком авангардный для Версальского двора, откуда был изгнан много лет назад. Но этот бунт фрондеров, пресеченный в зародыше, изменит игру.

При этих словах тень досады мелькнула на его лице.

– Конечно, я бы предпочел, чтобы все прошло иначе, потому что ненавижу неоправданное насилие и ненужные страдания. Как представитель Короля, я

лишь сопровождал инквизитора, выполнявшего поручение архиатра[5 - Архиатр – звание главного врача города, провинции.] из Клермона. Но под респектабельной маской прелата скрывается тупая скотина!

– Он и его люди устроили настоящую резню среди мятежников. От одной мысли меня бросает в дрожь. Несмотря ни на что, я надеюсь снова заслужить милость Его Величества. А вы как думаете?

– Э... да, конечно, – запинаясь, ответила я.

Воспоминания об убийстве родных сдавили горло.

Тот факт, что Александр в поисках поддержки доверил мне свои тайные мысли, смущал. Для него я не простолюдинка, а баронесса. Пусть я смертная, а он вампир, – в его глазах нас объединяло привилегированное положение аристократов.

Я опустила глаза, думая о преимуществах сложившейся ситуации. Правильно будет воспользоваться путешествием и доверием монстра, чтобы получить как можно больше сведений.

– Но я, как обычно, болтаю без умолку и только о себе, позабыв о драме, которую вы только что пережили! Какой же я хам! Ведь вы все еще в шоке от потери отца. Вас укачивает в этой старомодной карете? Вы помните, как прошлой ночью крепко уснули еще до того, как мы остановились в Клермоне?

– Остановились в Клермоне? – стараясь звучать бесстрастно, повторила я.

– Мне нужно было время, чтобы упаковать чемоданы. Я покинул Овернь, чтобы больше туда не возвращаться! Bye bye! Adios! Arrivederci! До свидания! Следующая остановка – Версаль!

Мои ногти впились в кожу сиденья. Тот огромный багаж на запятках экипажа! Сколько же времени ушло на его сборы? Я разозлилась на себя за то, что не смогла воспользоваться прекрасной возможностью для побега.

– Хотелось бы находить время, чтобы останавливаться на постоялом дворе каждую ночь, – продолжил виконт. – Знаю: вы, смертные, предпочитаете спать в кровати, а не на банкетке в карете. Я и сам, поверьте, выбрал бы бархатистое прикосновение шелка своего гроба, а не эту пыльную дыру. Только уж слишком тороплюсь вернуться ко Двору. Я так долго был в изгнании! Его Величество предоставил мне выбор: Овернь или тюрьма Бастилии. В то время я был убежден, что выбрал наименее скучный вариант. Но теперь, оглядываясь назад, понимаю, как был не прав. Увы и ах!

Впервые в жизни я встретила приближенного Короля Тьмы. Монарх всегда был частью моей жизни, но только в виде гравюры над камином, профиля в маске на реверсе монет или полупризрачного присутствия в страшных сказках перед сном.

И вот мы галопом спешим к нему!

– Я приказал своим людям менять лошадей на каждой почтовой станции, каждые семь лье. Несмотря на ухабы, надеюсь, вам нравится наш вояж.

– Очень, – соврала я.

– Рад это слышать. Но скажите... еда вам не по вкусу? – Он указал на плетеную корзину, к которой я не притронулась.

– Я... да, выглядит аппетитно. У меня просто немного сводит живот. Из-за смерти моего отца, как вы заметили...

«...а также матери и братьев», – мысленно закончила я, сдерживая слезы.

– Понимаю, – кивком головы поддержал Александр. – Хотя я трансмутировал очень давно, все же помню, насколько глубокими могут быть чувства смертных. Но знайте: сердца вампиров тоже способны переживать, даже если больше не бьются. Просто наш взгляд на события... другой. Наша жизнь не так эфемерна, как у смертных. Вы так быстро переходите в своих чувствах от одной эмоции к другой: от высшего блаженства до невыносимых страданий. Теряете дорогого человека, и весь мир рушится. Находите утешение в единственном друге и чувствуете себя воскресшим. Позвольте стать этим другом для вас, Диана. Вы не возражаете, если я буду называть вас Дианой?

– Пожалуйста, Александр, – я смутилась от его фамильярности и в то же время испытала облегчение от того, что он ничего не заподозрил.

– Пожалуйста, Алекс. Этого достаточно.

– Хорошо... Алекс.

Он протянул мне открытую ладонь:

– По рукам, Диана? Раз уж так, давай перейдем на «ты». Мне всегда будет девятнадцать!

В знак согласия я хлопнула по его ледяной ладони, потрясенная способностью вампира в одном предложении легко переходить от высокопарного слога к разговорному языку.

По крайней мере, в моих руках теперь одна важная информация: Александру было девятнадцать, когда он прошел трансмутацию.

Бессмертный достал из редингота золотую зажигалку и засветил фонарь на потолке кареты. Мягкий отблеск отразился на стенах и, подрагивая, заплясал в ритме дорожных ухабов.

– Вуаля! Fiat lux! Да будет свет! – торжественно объявил он. – Тепло и пламя огня способны оживить сердце смертного. Ничто не может сравниться с ним. Некоторые вампиры, вынужденные вечно жить в ночи, позабыли об этом. Но не я.

Его губы слегка растянулись, но он не размыкал их, словно хотел уберечь меня от вида своих клыков. Зрачки сузились. Радужная оболочка, до этого невидимая, теперь обрела цвет: лазурно-голубой.

Должна признаться, виконт обладал сверхъестественной красотой ангела. Но, как печально напоминало его имя, этот ангел умер давным-давно.

Мортанж[б - Мортанж – Mortange – мертвый ангел (фр.)]...

Под ослепительной молодостью его застывших в вечности девятнадцати лет скрывалось нутро древней мумии.

– Нужно поесть, Диана! Необходимы силы для захватывающей жизни, которая ждет тебя в Версале. Ты увидишь, там всё – эпатаж!

Я убрала салфетку с корзинки, отломил кусок хлеба и начала есть.

– Мм... Запах свежего хлеба, – Александр принялся. – Я его помню. Раньше он мне тоже очень нравился.

– Вкусно! – Я взяла второй кусочек.

Но отныне любая еда для меня будет иметь вкус пепла.

– Может быть, всухомятку не очень?

– Нет, уверяю вас... тебя, – возразила я, спотыкаясь об эту вынужденную фамильярность, такую неестественную. – Хлеб очень свежий.

– Не стесняйся, ты можешь быть откровенной со мной. Ну правда, кто ест хлеб без начинки?

«Простолюдины, которые не могут позволить себе ничего другого. Вот кто!» – хотелось мне возмутиться.

Но я вынуждена и дальше играть роль знатной особы:

– Это правда. В замке обычно подавали свежее масло и джем на завтрак.

На лице Александра проступила морщина досады, на мгновение исказившая его совершенные черты.

– У этих драгунов-недотеп не хватило ума подумать об этом, – проворчал он. – В сельской местности так плохо обслуживают! Еще одна причина, почему мне не терпится вернуться в цивилизацию. В Версале, конечно, немного чопорно, и

среди всего этого мрамора вино в графинах замерзает уже к ноябрю. Но у придворных с положением там апартаменты.

Он вздохнул, будто все ограничения этого Двора, в который он так спешил, заранее тяготили его.

– Король – не сторонник веселых развлечений. Он проводит ночи, закрывшись в своей обсерватории. Часами наблюдает за звездами вместе со старыми бородачами Факультета. Шепчутся, что за его солнечной маской никогда не видна улыбка...

Александр инстинктивно понизил голос при последних словах. Факультет наложил табу на разговоры о настоящем лице суверена. Какие чудовищные метаморфозы в его плоти могла вызвать трансмутация?

Врачи делали вид, что эта тайна слишком надуманна или слишком ужасна для обсуждения.

Казалось, сами вампиры не могли коснуться этой темы без содрогания... Де Мортанж обронил слово, которое сию же секунду вызывало у меня любопытство.

– Солнечная маска? Неужели? – озадаченная парадоксом, повторила я. – Для Короля Тьмы?

– Прежде чем стать Королем Тьмы, Нетленный был Королем-Солнцем, – серьезным тоном напомнил Александр. – И никогда не отказывался от идеи подчинить себе день. Именно поэтому на нем маска Аполлона, бога Солнца.

Повелители ночи? Покорители дня? Вампиры, не торопясь прогуливающиеся туда-сюда по улицам до звуков вечернего набата? От одной только мысли об этом по коже побежали мурашки.

Но мой попутчик легкомысленно перешел к другой теме:

– В любом случае, несмотря на строгость, Король обладает чувством величия. Каждый год празднование ночи Тьмы в декабре, можешь мне поверить, превращается в пышный праздник. И потом, Париж – всего в двух шагах. А

в столице всегда кутеж! Это эпатаж, скажу тебе! Как же надоели тоскливые, нагоняющие сон концерты музыкантов из Клермона! Непременно наслажусь новыми мелодиями из Англии. Умираю от нетерпения сходить в театр Одеон, поплодировать последним скандальным пьесам, а после всю ночь напролет веселиться на балу в Опера? Гарнье.

– Умирать от нетерпения? Для вампира звучит забавно, – не удержалась я от замечания.

Голубые глаза Александра весело блеснули в мерцании лампы.

– А ты остроумна, Диана! – воскликнул он. – Эпатаж! Мне это нравится! В Париже и Версале тебя ждет успех, вот увидишь.

Этот странный персонаж, заявивший о своей ненависти к насилию, не переставал меня удивлять. То и дело повторяя «эпатаж», он напоминал неугомонного подростка, полного энергии, бьющей через край. Конечно, этот бурлящий энтузиазм соответствовал его юношескому телосложению. Титул «виконт» – «низший» в иерархии вампирических кругов, стоял чуть выше человеческого «барона». Но каков настоящий возраст Александра?

– Спасибо, что окружил меня заботой, – поблагодарила я, лицемерно улыбаясь.

– Перестань, прошу тебя. Это вполне естественно после всех испытаний, что на тебя обрушились. Давай обойдемся без лишних церемоний. Король примет тебя в школу Гранд Экюри – Больших Королевских Конюшен, что вполне естественно. Учебный год только начался: ты без труда сможешь влиться. Я отправил ворона, чтобы предупредить о твоём прибытии. Он летит впереди нас.

Ворона? Да, конечно. Я слышала, что эти птицы служат вампирам.

– Просто немного волнуюсь. Что ждет меня там? – ответила я. – До сих пор я ни разу не покидала стен замка моего бедного отца. Меня пугает Двор. И все так быстро происходит. У тебя было время собрать чемоданы в Клермоне, но я не взяла с собой никаких личных вещей...

Я опустила глаза на льняное платье с засохшими пятнами крови.

– Клянусь честью, я виноват, что не дал времени переодеться! Но не волнуйся: Король обеспечит тебя всем необходимым. Его Величество великодушен: он знает, как пожалеть бедную сироту. И как простить искренне раскаявшегося, вроде меня.

На кончике языка повис вопрос о проступке, который совершил Александр. Что могло навлечь гнев суверена? Но я сдержалась. Было бы глупо терять единственный источник информации об осином гнезде, в которое меня собирались бросить.

– Что касается нравов и обычаев Версаля, ты можешь рассчитывать на мою помощь, – любезно предложил вампир. – Я знаю дворец как свои пять пальцев. Ты расцветешь там, словно великолепный полевой цветок, и затмишь городские. Двор обожает все необычное. К тому же твои прекрасные волосы цвета луны! Эпатаж! Всем вскружат голову!

– Бесконечно благодарна тебе, – ответила я, выдавив улыбку. – Мне повезло встретить...

Я споткнулась на этом слове, которое никогда в жизни мне не пришло бы в голову сказать вампиру.

– ...такого друга, как ты!

5

«Друг»

И СНОВА Я ПРОСНУЛАСЬ после восхода солнца. Мерное движение кареты из эбенового дерева мягко убаюкивало меня.

Как и вчера, банкетка напротив была пуста. Люк под ногами закрыт. Но теперь я знала, кто скрывался внутри.

Снова возникло искушение потянуть за блестящую ручку на полу, но я сдержалась. Каким бы отвратительно хвастливым и самодовольным ни был мой попутчик, все же в дороге он проявил заботу обо мне.

Разумеется, Александр останется для меня повелителем ночи и заклятым врагом, но, чтобы добиться расположения, я притворюсь его другом.

Вероятно, мой собеседник – не худший из вампиров. Разве не он утверждал, что отличается от остальных? Более современный, более человечный.

Кроме того, мои родные убиты не по его приказу. Де Мортанж лишь сопровождал инквизитора как представитель королевской власти. Это не он, бессмертный, устроил резню в моем доме, а смертные люди. Из плоти и крови. Такие же, как я. Пока эти убийцы делали свое грязное дело, Александр скрывался в люке.

Возможно, если бы ему удалось вовремя появиться в доме, вампир приказал бы прекратить кровопролитие и просто арестовать виновных. Разве не он утверждал, что ненавидит беспричинное насилие и бессмысленные страдания?

Сердце сжалось. Отныне я сирота и таковой останусь до конца жизни. У меня нет ни родителей, ни братьев. Бабушки и дедушки давно покинули нас. Я одна в этом мире. Я больше не знаю, для чего живу и в чем смысл существования.

Погруженная в печальные мысли, я вспомнила о мамином медальоне. Мне захотелось внимательно рассмотреть его при свете дня. Скромное украшение из бронзы размером с грецкий орех без излишеств и украшательств, кроме небольшой застежки.

Сколько себя помнила – медальон всегда висел на груди мамы. Я никогда не интересовалась, что скрывалось внутри. Пришло время узнать.

Я нажала на пружинку, и медальон открылся, как ракушка. Внутри – маленький белый циферблат, защищенный стеклом. То, что я приняла за украшение, на самом деле – карманные часы, которые мама носила как кулон. Стрелки часов остановились на отметке 7:38. Возможно, механизм был поврежден во время схватки, а может, сломался раньше. На обратной стороне корпуса выгравированы слова: СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ. Но это еще не все: там лежал

аккуратно обернутый голубой ленточкой серебристый локон.

Комок подкатил к горлу, на глазах навернулись слезы. Мама, с которой я часто спорила из духа противоречия и от чьих проповедей убегала в чащу леса, хранила у самого сердца прядку моих волос.

Я нередко посмеивалась над ее предостережениями о необдуманных поступках. Но мама, живущая в условиях постоянной опасности, лучше, чем кто-либо другой, знала, о чем говорит.

Мне казалось, что я – олицетворение великих бунтарок, когда заявила, что отправлюсь, невзирая на закон о невыезде, на ярмарку Красивого Берега в трех лье от Крысиного Холма.

Я считала себя безумно смелой, когда говорила, что буду охотиться по ночам, несмотря на комендантский час. Утверждала, что всякого рода ночные твари – редкость в нашей заброшенной деревушке.

Все эти годы обвиняла маму в том, что она слишком усердно читит Кодекс смертных... Теперь мне больно и стыдно: мама не хотела, чтобы мои выходки привлекли ненужное внимание к семейной тайне.

И даже если слово «свобода», выгравированное на крышке часов, всего лишь мираж, я очень хочу поделиться им со своей семьей...

В памяти всплыли слова Валера:

«Родители считают, что ты слишком непредсказуема».

Не по этой ли причине мама предпочитала держать меня в неведении? Неужели Бастьян был прав: она ждала мой восемнадцатый день рождения, чтобы все рассказать?

Я положила часы обратно в кармашек пеньюра и перевела взгляд на плетеную корзинку. Ее вновь наполнили. Приподняв салфетку, я обнаружила нарезанную буханку хлеба с золотистой корочкой, кусок свежего сливочного масла, аккуратно завернутый в бумагу, и три маленьких горшочка джема.

В этот раз я с большим аппетитом смела все содержимое.

* * *

Остаток дня я рассматривала пейзаж за окном. Вскоре показались деревушки. Следом настоящие города с металлическими крышами, поблескивающими издалека, где за серыми стенами проживало четвертое сословие.

Не успело солнце скрыться, как тут же со всех сторон слышались истошные звуки мрачного концерта. Колокольни городков региона Иль-де-Франс друг за другом били в набат.

В ту же секунду люк со скрипом приподнялся, выпуская ледяной воздух. Появился Александр.

– Я к вашим услугам, моя дорогая, – приветствовал он, зажигая фонарь и картинно кланяясь. – Хорошо ли прошел день?

– Да, хотя мне было немного одиноко, – жеманно ответила я, разыгрывая роль беспомощной девушки, преисполненной благодарности. – Не хватало наших бесед.

Губы виконта тронула легкая улыбка.

– Я уже здесь, готов развлекать! – воскликнул он. – Но сначала скажи, что ты думаешь об этих новых туфлях, которые я надел специально для тебя?

Он с гордостью выставил свои ноги.

– Это таларии[7 - Таларии – сапоги или сандалии с крылышками.]. Из кожи луизианского крокодила. Последний писк моды! Класс, не правда ли?

– Очень красивые.

– У них также есть потрясающие женские модели. Король, без сомнения, предложит тебе несколько пар, как своей подопечной. Конечно, никаких

красных каблуков, потому что они предназначены исключительно для вампиров. Правила этикета!

Я уставилась на красные каблуки Александра, запоминая эту информацию. Она может пригодиться позже, чтобы распознавать кровопийц при Дворе, если ледяной ауры их присутствия будет недостаточно.

– Похоже, тебе известно многое, о чем я не в курсе, – потешила я его самолюбие. – Ты говоришь о Версале так, будто прожил там всю жизнь.

– В том-то и дело, Диана! – рассмеялся Александр, на этот раз обнажив клыки. – Всю жизнь... и даже больше!

Как и вчера, нахождение рядом с иллюзорным девятнадцатилетним юношей смущало.

– Позавчера я обдумывал свое прошлое. Собирал воспоминания, чтобы привести их в порядок перед приездом в Версаль. Не хотелось бы все перепутать: прикладываться к руке не той маркизы или вести разговоры не с тем герцогом! При Дворе Тьмы свои кодексы и смертельные ловушки. Малейший неверный шаг, и тебя ждет расплата. Кровью.

Я вспомнила задумчивость Александра в первую ночь нашего путешествия. Значит, тогда вампир был погружен в свои воспоминания... Что ж, они тоже могут оказаться полезными: как возможность получить больше сведений.

– В школе «Гранд Эюри» – Больших Королевских Конюшнях в Версале? Чему именно там учат?

– Это учреждение для подготовки лучших всадников Его Величества. Создано три века назад самим Людовиком XIV до его трансмутации. В наши дни там по-прежнему учат верховой езде, но не только. В школе воспитываются самые знатные отпрыски смертных. Сливки общества, если ты понимаешь, о чем я. Каждый год в конце августа девочки и мальчики из благороднейших семей Магны Вампирии поступают в пансионат, прежде чем официально предстать перед Двором. Каждый год 31 октября в ночь своей трансмутации Его Величество отбирает двух лучших учеников.

Александр прыснул со смеху:

– Я рассказываю о Дворе как о змеином логове. Но ты не представляешь, какая борьба происходит между претендентами на королевскую милость! Даже маленькая деталь имеет значение. Например, тебя бы уже дисквалифицировали...

Виконт указал на мой лиф. Там, среди следов запекшейся крови и пота, красовалось оранжевое пятнышко от абрикосового джема.

– Необходимо научиться есть, не размазывая еду, – поддразнил вампир. – В противном случае навлечешь гнев мадам Этикетт – гидры, которая следит за соблюдением манер при Дворе.

– Не говори мне, что ты никогда не пачкался во время... хм... еды. Кровь, как известно, оставляет скверные следы.

Он хихикнул. Его смех слился со скрипом колес, вращающихся на полном ходу.

– Я, определенно, поклонник твоей прямолинейности! И Двор ее тоже оценит.

Вампир вытянул длинные ноги, поставив красные каблук туфель на угол моей банкетки:

– Ты права: я загубил не одно кружевное жабо. Их потом почти невозможно восстановить.

Александр глубоко вздохнул:

– Кровь. Еще и еще. Много крови. Приходится постоянно возвращаться к ней. Это самая трагичная часть природы вампиров. Нас называют повелителями ночи. Но на самом деле мы – рабы. Крови.

Я почувствовала перемену в его настроении: время шуток прошло. Повисло молчание, нарушаемое поскрипыванием кареты. Фонарь тихо покачивался под потолком.

– Если бы ты только знала, как сильно я хочу избавиться от этой угнетающей ненасытной жажды. Из всех цепей прошлого, которые тяготят наш род, она – самая тяжелая. Я уже говорил, что мечтаю оказаться в будущем, выпить все современное. Всем нутром, всем сердцем, всей душой! Оказаться в мире, где вампиры больше не будут нуждаться в человеческой крови.

Его слова сбивали с толку. Невозможно представить вампира, говорящего о своей душе. Еще сложнее – хулящего кровь – высшую ценность, которая лежит в основе королевства, религии, налогов и общества.

– Может быть, твоя мечта скоро сбудется. Я имею в виду, что, возможно, когда-нибудь вампиры найдут иной способ существования.

Александр взял мою руку. В этот раз его прикосновение не отдавало ледяным холодом, как раньше.

– Ты неисправимая идеалистка, как и я. В Версале тебе нужно быть настороже, потому что всегда найдутся желающие подавить любые прогрессивные мысли.

– Спасибо за предупреждение, Алекс. Я буду иметь это в виду.

Он улыбнулся и откинулся на банкетку.

– На сегодняшний день, увы, мы все жертвы проклятия Тьмы. Несмотря на все прекрасные слова и высокие надежды, оно все еще с нами.

Вампир запустил руку в редингот и достал хорошо знакомый мне стеклянный сосуд: гематическую бутылочку, специально разработанную Факультетом для сбора и хранения десятины. Флакон был до краев заполнен красной вязкой жидкостью.

– Прошу прощения за прием пищи перед тобой. Обычно я предпочитаю делать это наедине. Но, учитывая тесные условия путешествия, у меня нет выбора.

Он откупорил бутылочку и поднес ее к носу. Впервые я увидела, как затрепетали ноздри вампира. Да! От удовольствия!

Ненависть

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ НАЗАД Я ЗАДАВАЛАСЬ ВОПРОСОМ, в чем смысл моей жизни.

Ответ пришел: стереть Александра де Мортанж с лица земли!

Мечь. Вот для чего я живу! По своей глупости и трусости я упустила возможность выполнить или хотя бы попытаться исполнить свое предназначение. Дважды не решилась поднять люк, под которым беспомощно спал злейший враг.

Он же, опорожнив флакон с кровью моей дорогой матери, весело болтал, сидя напротив меня.

Она была еще жива. Ее можно было спасти.

Но он прикончил ее, это чудовище. Он обескровил ее!

Я знала: под покровом коварной ночи вампир непобедим. В то время как меня переполняла ненависть и жгучее желание убить его, я вынуждена была в сотый раз выслушивать рассказы о том, как он скучал в Оверни и как счастлив вновь оказаться в Версале.

Но еще больше я ненавидела себя за то, что поверила в его бредни об искуплении вины, в его надежды на освобождение от проклятия крови. Пульсирующая, дикая головная боль разрывала мозг, словно наказывая меня.

– Вуаля! Пригороды Парижа. Мы почти приехали, – вдруг объявил Александр.

За окном экипажа пригородные поселения располагались настолько близко друг к другу, что их разделяли только заросшие сорняками пустыри.

Мертвый свет луны разливался над крепостными стенами, которые возносились все выше и выше, заключая центральные площади в плен. Дозорные тропы неровно обхватывали стены. Крошечные фигурки драгунов, вооруженные алебардами, патрулировали по улочкам, высматривая всех, кто нарушал комендантский час.

Башни огромных черных соборов, увенчанные металлическими летучими мышами, возвышались над этими тюрьмами под открытым небом.

Не хватало воображения представить размеры резервуаров, спрятанных в гигантских зданиях, и тонны крови, которые Факультет хранил в них...

– Действительно: эти пригороды не очень привлекательны, – заметил Александр. – Но они то, что нужно. Там загнаны десятки тысяч беззубых оборванцев, необходимых, чтобы прокормить Двор. Они дают нам кровь, мы их защищаем: такова основа Кодекса смертных.

С каждым словом, произнесенным этим демоном, моя мигрень усиливалась, а отвращение росло. Назвать «беззубыми оборванцами» смиренных бедняков, покорных клыкам монстров в дорогих одеждах?

Никогда еще «защита» вампиров не казалась столь лицемерной. Бессмертные притворялись, что оберегают смертных от агрессивных инстинктов самих людей, словно драчливых детей, которых нужно изолировать, чтобы они не навредили сами себе! Утверждали, что защищают несчастных от ночных тварей, рожденных Тьмой! Все беззаконие рах vampyrica – неожиданно раскрылось передо мной. Во всей наготе. В своем истинном свете.

– Мы, бессмертные Магны Вампирии, отказались от животных инстинктов и довольствуемся едой из флакона, – задумчиво продолжал вампир, не замечая моего отвращения. – Но никакая склянка со свежей кровью не заменит радости от законного кровопускания живой добычи. Это случается редко. Когда повезет поймать простолюдина, нарушившего комендантский час... или врага королевства. Должен признаться: наполнив три флакона, я приложился прямо к шее той бунтовщицы, чтобы испытать истинное наслаждение гурмана.

Он одарил меня гнусной заговорщической улыбкой, как озорник, запустивший руку в банку с вареньем. Мне неудержимо захотелось подскочить к нему и

содрать эту улыбку ногтями. Вампир прикрыл лицо кружевным платком.

Мы проезжали мимо крупных селений.

– Фу! Что за зловоние? – воскликнул вампир. – Отвратительная вонь бедняков, живущих в тесноте. Там, должно быть, не повернуться. Совсем как в курятниках поместья де Плюминьи.

– Готов поспорить: в этом городе не подадут высший сорт, лишь пойло для нищих вампиров. Плохая гигиена плюс избыток болезней – и, привет, зараза. Разве ты не слышишь запаха?

Я покачала головой. Тряска на мощенных булыжником дорогах вбивала в гудящий мозг раскаленные гвозди. Единственное, что я слышала, – кислый запах моего пота, въевшегося в это проклятое платье, с которым не расставалась вот уже три дня.

Мрачные тюремные окраины постепенно уступили место белокаменным зданиям с лепниной. Несмотря на поздний час, многие окна ярко светились. Легкий ночной ветерок колыхал занавески. Доносились томные всхлипы скрипок и отрывистые звуки менуэтов.

Кто веселился в этих апартаментах? Вампиры, смертные или, еще хуже: смесь тех и других?

– О! Свежий воздух. – Александр приоткрыл окно.

Дыхание ночи проникло внутрь. Рыжие волосы Александра развевались на ветру, словно языки пламени вокруг лица дьявольской красоты.

– Слышу запах пороха фейерверков и шлейф парфюмированных перчаток! – восторженно воскликнул он, тараща расширенные зрачки в темноту. – Слышу возбуждение прожигателей жизни, отплясывающих неутомимую джигу! Слышу нежный аромат вампирических роз и острый запах кровавых апельсинов из оранжереи замка.

Неутомимая джигга? Вампирические розы? Кровавые апельсины? Мое воображение не способно даже смутно представить те ужасы, которые вызывали у Александра дрожь возбуждения. Под колесами экипажа шуршание булыжников сменилось деревенскими ухабами. Последнее лье мы преодолеваем как во сне или, скорее, как в кошмаре.

Внезапно карета остановилась перед гигантскими железными воротами, украшенными острыми пиками.

– Вуаля! Мы на месте! – воскликнул Александр. – «Гранд Экюри» – Большие Королевские Конюшни!

Прежде чем драгун успел предложить помощь, вампир открыл дверь и выпрыгнул в ночь.

– Мадемуазель? – с очаровательной улыбкой он протянул руку.

Преодолевая отвращение, я оперлась на нее, чтобы выйти из кареты, где за время путешествия, кажется, успела основательно промариноваться в собственном соку.

Когда наши тела слегка прикоснулись, меня вновь охватило дикое желание разодрать его дьявольское лицо ногтями.

– Нам придется расстаться, но мое обещание в силе, – сказал Александр. – Когда будешь готова предстать перед Двором, будь то через месяц или год, я буду рядом, чтобы помочь. Крест и клятву сберегу, а солгу – сгорю в аду! Упс! По древним суевериям, я уже там! Ха-ха!

Его обещание вызвало непреодолимое отвращение. Но холодный голос разума напомнил о мести. Подожди, де Мортанж. Мне надо подготовиться, чтобы убить тебя, чтобы нанести точный удар. И когда появится шанс, когда преимущество будет на моей стороне, я прикончу тебя, гнусного убийцу моей матери. Твоя смерть стоит того, чтобы немного подождать.

– Буду иметь в виду! – Я кивнула, с трудом преодолевая головную боль, вибрирующую в мозгу, и тошноту, вызванную гадливостью.

– Я рассчитываю на это! А пока: спокойной ночи. Ты бледна как смерть. Поверь, уж я-то знаю, о чем говорю. Ха-ха!

Вампир разразился демоническим хохотом. Я сжала кулаки, сдерживая ненависть.

Вдалеке показалась женская фигура в длинной черной накидке. Она, вытянув руку с фонарем, спешила нам навстречу. Шум ее шагов по широкому двору в форме подковы вызвал захлебывающийся лай сторожевых псов.

– Добрый вечер, мадам, – поприветствовал Александр. – Это Диана де Гастефриш – юная сирота, о прибытии которой я сообщил через ворона.

– Очень хорошо, месье виконт. Все приготовлено. Вы можете доверить мадемуазель мне.

Александр положил свои когти на мои плечи.

– Ну что ж, покидаю тебя и отправляюсь во дворец с надеждой на милость и прощение. Туда я тоже заранее отправил воронов и верю, что мне поможет благосклонное сердце... – он вскочил на подножку кареты, – ... тем более со мной важные доказательства подавленного мятежа.

– Какие доказательства? – спросила я, приложив нечеловеческие усилия, чтобы наскрести крохи сведений о моей семье.

Он кивнул на багаж:

– В одном из сундуков находятся фрагменты подпольной лаборатории, которые удалось вынести после взрыва. Инквизиторы изучат по ним цели бунтовщиков. Этой скукой займется Факультет. А придворным нет дела до науки... Для них я приготовил трофеи, которые... как бы это сказать... больше, чем эспатаж! Головы пяти фрондеров. Я велел своим людям отсечь их шпагами. Конечно, получилось не так чисто, как топорами. Ну что ж, драгуны работали подручными средствами.

Он захлопнул дверцу. Карета тронулась, растворяя в ночи его дьявольский хохот.

* * *

Только бы он скорее исчез.

Только бы не стошнило.

Только бы не упасть.

Опереться на руку сопровождающей меня дамы. Изгнать из головы мысли о том, что в течение трех дней я была рядом с отрубленными головами моих родных.

Единственное облегчение в том, что я изуродовала прекрасное личико баронессы до неузнаваемости.

– Я – мадам Тереза, управляющая домом девушек, – представилась женщина, как только мы подошли к величественному полукруглому зданию, опоясывающему двор мрачной массой. – Я занимаюсь организацией и руководством практической жизни воспитанниц в школе «Гранд Экюри».

Впервые вырвавшись из тягостного плена тяжелых мыслей, я подняла глаза на управляющую и внимательно посмотрела на нее. Под шляпкой-шарлоткой с лентами, удачно подобранной к накидке, скрывался зрелый, строгий и принципиальный взгляд.

Женщина обошлась без титула перед именем. Значит, она простолюдинка, как и я? Станем ли мы союзницами?..

Ответный взгляд был не столь приветлив, а круги под глазами говорили о том, что мадам вынуждена была ждать нас допоздна.

– Дом юношей находится во втором крыле, – управляющая указала на противоположную половину здания. – Но вы будете с ними встречаться только во время ужина. Классы разделены строго по половому признаку, чтобы

избежать проблем с дисциплиной. Хотела бы сразу предупредить: мы – элитное заведение. Занятия проходят все семь дней в неделю. Раймон де Монфокон – директор учебного заведения и Главный Конюший Франции[8 - Главный Конюший Франции XVII в. – один из высших сановников королевского двора, отвечающий за королевские конюшни.]. Он руководит всем.

Она поднесла фонарь к моему лицу, чтобы лучше рассмотреть его.

– Я не нашла в архивах, где мы храним документы семей, представленных ко Двору, ваших бумаг. Скажите, мадемуазель де Гастефриш, сколько вам лет?

– Восемнадцать, – ответила я, вспомнив, что баронесса была ровесницей Бастьяна и на год старше меня.

Какое облегчение, что в школе нет нужных бумаг! Значит, семья Гастефриш не была при Дворе целую вечность, если она вообще когда-либо там была. В Версале, вероятно, никто не помнит настоящую Диану. По крайней мере, надеюсь на это...

– Вы будете посещать занятия старших классов и спать в дортуаре, – объявила мадам. – Учебный год начался две недели назад, в середине августа. Поэтому имейте в виду: придется наверстывать упущенное. Большинство воспитанников обучалось здесь в предыдущие годы. Сначала в младшем классе – бенжамин, затем в среднем – кадет. Приготовьтесь работать в три раза усерднее, если хотите иметь возможность быть представленной ко Двору в конце учебного года. То есть в следующем июне. Скажите, насколько достойно образование, что вы получили у себя в провинции?

– Я умею читать и писать, – поспешила уточнить я, обескураженная озвученными сроками.

Десять месяцев до представления ко Двору? Это десять долгих месяцев до мести, навязчивая мысль о которой лихорадила меня, став единственным смыслом моего существования!

Мадам закатила глаза и устало вздохнула:

– Рада, что вы умеете читать и писать.

– Еще я знаю английский язык.

Собеседница нахмурилась:

– Правда? Необычно для провинциалки. Должна сказать, что английский язык при Дворе теперь используется реже, чем раньше. Все из-за безумия вице-королевы Анны и событий в Нью-Йорке...

До меня доходили слухи о помешательстве вице-королевы и вампирши, сидящей на троне по ту сторону Ла-Манша. Говорили, что ее преданность Нетленному пошатнулась, но большего я не знала. Что касается событий в Нью-Йорке, о которых упомянула мадам, то я понятия не имела, о чем шла речь.

– Умеете ли вы танцевать, петь, играть на музыкальных инструментах?

– Ээ... Нет...

– Мы преподаем пять благородных искусств: куртуазное искусство, искусство светской беседы, искусство верховой езды, боевое искусство... и вампирическое искусство, предназначенное исключительно для старших классов. Есть ли среди них что-то, в чем вы хороши?

– Я умело обращаюсь с рогаткой, – запинаясь, пробормотала я.

Гримаса на лице управляющей отговорила меня от дальнейших откровений. Рогатка, вероятно, не являлась оружием, достойным юной демауазель, которой я намеревалась стать.

– Ну что ж, довольно разговоров, – сухо заметила женщина. – Сейчас время отдыха. И Тьма мне свидетель: вы, должно быть, устали так же, как и я.

Освещая путь тусклым фонарем, она повела меня на четвертый этаж по большой парадной лестнице, на каменных ступенях которой гулко раздавались наши шаги.

Мадам толкнула распашные двойные двери, и мы вошли в просторную комнату, разделенную длинным центральным проходом. По обе стороны от него расположились кровати с задернутыми балдахинами.

– Пожалуйста, идите на цыпочках. Воспитанницы уже легли, – попросила заведующая, понизив голос.

Может быть, и легли, но только спят ли?.. Я кожей почувствовала, как через занавески меня пронзили несколько пар глаз, более грозных, чем у сторожевых собак во дворе.

7

Новенькая

– ЧТО, НОВЕНЬКАЯ, ДРЫХНЕШЬ? Разве в деревне не встают с петухами?

Ледяная волна обрушилась на лицо. Я соскочила с кровати. Подушка намочла, с волос стекала вода, а перед глазами все еще стояли ночные кошмары с отрубленными головами.

Однако голова, склонившаяся надо мной, жива и здорова. И принадлежала потрясающей красоты девушке с жестокой улыбкой.

– Вот ты и умылась, серая мышь! – расхохоталась красавица. Она поставила пустой стакан на прикроватную тумбочку. – Боюсь, чтобы отмыть тебя от грязи, потребуется целый чан!

Звонкий смех заставил танцевать ее завитые щипцами каштановые локоны, шелковистыми змейками падающие на лицо. Девушка словно сошла с портретов итальянских мастеров эпохи Ренессанса.

Возможно, она подумала, что нашла новую жертву в моем лице. Но я, привыкшая всю жизнь давать отпор деревенским хулиганам, не собиралась тушеваться перед шлюхой с лицом мадонны, которая хотела задешево развлечь галерку.

- Это не грязь, - ответила я, цепляясь за ножку кровати, чтобы высвободиться.

- Неужели? - поинтересовалась другая девушка, повернувшись к остальным свидетельницам моего внезапного пробуждения. - И что же тогда? Лошадиный навоз?

- Засохшая кровь.

Смех застрял на устах красавицы. Она распахнула веки, вытаращив карие глаза с живым, золотистым отливом.

- К...кровать? - Девушка запнулась, нахмутив идеально очерченные брови.

- Хотите потрогать, чтобы убедиться?

В мокром, грязном пеньюаре я прямо и смело шагнула к нахалке в дорогом шелковом платье из солнечно-желтого узорчатого дамаста[9 - Дамаст - легкая ткань из атласных нитей на матовом фоне полотна.]. Она, испугавшись, попятилась, и... оступившись на высоких каблуках, повалилась навзничь, выставив на всеобщее обозрение ивовый кринолин под юбками.

Остальные девушки с воплями и смехом бросились ей на помощь:

- Ты в порядке, Эле?

Одна воспитанница, воспользовавшись суматохой, осторожно взяла меня за руку.

- Пойдемте, я покажу умывальню, - с едва заметным акцентом мягко прошептала она.

Ее наряд был куда проще, чем у задиры: элегантно перекрещенная на груди бледно-лиловая шелковая туника с широким поясом и экзотическими белыми цветами, вышитыми на подоле. Необычайно густые прямые черные волосы были собраны на затылке в объемный шиньон, подхваченный деревянной шпилькой из красного лакированного дерева. Под челкой, подстриженной вровень с бровями,

выступало лицо с высокими скулами и уставшими глазами, обведенными темными кругами. Как-то мне попалась книга о путешествиях на Дальний Восток с гравюрами. Изображения изящных жительниц на них напоминали эту девушку.

Я позволила вывести себя из дортуара. Мы пересекли коридор с блестящей плиткой на полу. Несмотря на тяжелые облака, свет беспрепятственно проникал через высокие окна. Здешние чистые стены с изящной лепниной были почти в три раза выше, чем те, что в моем родном доме на Крысином Холме.

Внезапно я застыла перед одним из окон: там, в двухстах метрах от меня, находилась огромная площадь, ведущая к грандиозным по мощности крепостным стенам.

Если стены, окружавшие пригороды, были обычно унылыми и мрачными, испещренными пометом стервятников, то эта была сооружена из умело ограненного камня с гигантскими, изысканно вырезанными узорами.

Но при ближайшем рассмотрении мое восхищение сменилось ужасом. Горельефы – не образы нимф и богов, как в саду старого барона де Гастефриша. Это гигантские вампиры, представленные во всей своей животной ярости. Среди бела дня они обнажили острые зубы, вонзив клыки в беззащитные шеи покорных смертных. В центре застывшего в камне пандемониума [10 - Пандемониум – сборище злых духов и демонов.], восславляющего господство вельмож, высились фантастические барочные колонны. Вокруг них вихрем кружились стаи волков, ворон и летучих мышей.

– То, что ты видишь в конце Оружейной площади, – это стена «Облава», – тихо произнесла мне на ухо новая знакомая. Спокойствие ее голоса контрастировало с ужасом от увиденного.

– Так называются крепостные стены Версальского замка, воздвигнутые в первом веке Магны Вампирии, – продолжала она. – Это защита, которая окружает дворец и его обитателей в течение дня. Она полностью герметична. То есть совершенно непроницаема. Ночью стена открывается с помощью гидравлической системы, соединенной с теми же акведуками, которые питают фонтаны Версаля. Стена – работа Жюль Ардуэн-Мансара, архитектора, приглашенного Королем. А скульптуры – творение Франсуа Жирардона, любимого скульптора суверена. Оба, чтобы продолжить свое творчество, были

трансмутированы.

– Не так повезло десяткам тысяч смертных строителей, погибших на стройке.

Когда впервые видишь стену «Облава», испытываешь сильнейший шок.

Видя, как я дрожу, девушка дотронулась до моей руки. Но причина моего волнения была не в этих скульптурах. Я с ужасом поняла, что эта стена воздвигнута между стенами школы Больших Конюшен и апартаментами Александра... Между мной и объектом мести.

– В конце концов, вы привыкнете к этому виду, – постаралась успокоить воспитанница.

Она оттащила меня от окна:

– Кстати, меня зовут Наоко Такагари. Я – дочь японского посла. Я имею в виду, дневного посла, потому что ночной посол, конечно же, вампир.

Мое предположение оказалось верным: Наоко родом из тех далеких земель восходящего солнца, о которых я грезил в своей комнатке на Крысином Холме.

Хотя Япония не являлась частью Магны Вампирии, император, правящий там, был трансмутирован и представлен при Дворе Короля Тьмы.

– Вчера мадам Тереза поинтересовалась, кто из нас желает помочь новенькой. Я вызвалась добровольцем, потому что знаю: в школе нелегко найти сразу общий язык со всеми. Два года назад, приехав сюда в класс бенжамин, я тоже стала жертвой злых выходок Эленаис.

– Эленаис?

– Эленаис де Плюмины, – объяснила Наоко, – младшей дочери Анакреона де Плюмины, мелкого вельможи в городке Бос и главного королевского поставщика цесарок, каплунов и цыплят.

Я вспомнила, как накануне Александр сравнил жителей пригорода с домашней птицей, набившей до отказа курятники Плюмины.

– В роду де Плюмины принято давать своим детям величественные имена античных богов, чтобы таким образом компенсировать приобретенный ими совсем недавно нобилитет. Ведь они получили дворянство менее века назад, за заслуги перед Короной.

– Понятно...

Я старательно избегала взгляда девушки. Как бы она не догадалась, что я тоже всего три дня назад стала аристократкой, незаконно присвоив имя баронессы. Несмотря на заботу о «новенькой», эта молодая японка – такая же привилегированная, живущая в особом мире, как и остальные пансионеры. Богачка, освобожденная от десятины, от Кодекса смертных, угнетающего четвертое сословие – простой люд. Союзница вампиров, которая, несомненно, вступит в их ряды, как только представится такая возможность.

Я не повторю ошибку дважды. Хватит и Александра – мнимого друга. Но никто не должен заподозрить меня в подмене.

– Мое имя Диана де Гастефриш, – поспешила представиться я. – В семье произошла трагедия, там, в Оверни. Поэтому я здесь.

При слове «семья» перед глазами встали образы родителей и братьев. Голос мой сорвался.

Наоко грустно улыбнулась:

– Да, знаю. Вашего несчастного отца убили фронтеры. Нас предупредили об этом. Но теперь вы в безопасности.

В этот момент, завернув за угол, мы оказались лицом к лицу с вооруженным человеком на посту перед окном. Его форма не имела ничего общего с черной одеждой драгун Клермона. Солдат был одет в роскошную ливрею оттенка красной марены[11 - Марена – растение, которое используется для получения красного красителя.], с золотыми галунами на плечах.

– Швейцарский гвардеец, – объяснила Наоко, не удостоив его взглядом, словно тот был статуей, частью интерьера. – Они – самые преданные воины Короны, готовые отдать за нее жизнь в любой момент.

Я бросила осторожный взгляд на солдата. Как и внутренний двор с огромными сторожевыми псами, Версаль, определенно, находился под пристальным и постоянным наблюдением. Мне потребуется хитрость и изобретательность, чтобы осуществить задуманное. Иллюзий не было. Если удастся убить Александра, моя судьба будет решена немедленно: я тут же последую за ним в могилу. Но, по крайней мере, получу высшее удовлетворение от того, что этот монстр, навсегда мертвый, никогда не покинет гроба!

– Здесь вы в безопасности, – спокойный голос Наоко прозвучал в абсолютном диссонансе с моими мыслями. – Король выделил целый полк швейцарских гвардейцев для охраны «Гранд Эюри». Фрондерам не удастся проникнуть внутрь.

При последних словах девушки я встrepенулась:

– То есть Король боится мятежников?

Молодая японка бросила пронизательный взгляд из-под густой челки:

– Трудно поверить, не так ли? Самый могущественный из правителей Европы даже в собственном дворце не может забыть об угрозе восстания?

– Действительно, – кивнула я, пытаюсь унять учащенное сердцебиение.

Еще на прошлой неделе, считая разговоры о «Фронде» слухами, я не верила, что моя семья была ее частью. Теперь очевидно: движение существует. Его тайные ветви простерлись до Версаля...

– Поговаривают, что попытки покушения совершаются регулярно, – продолжала Наоко. – Секретные службы Его Величества каждый раз пресекают их.

Мы остановились перед дверью с изображением русалки в окружении ракушек.

– Это умывальня, – объявила новая знакомая, приглашая меня в комнату, выложенную белой плиткой. Подобную красоту я никогда не видела. – Ванна там, – девушка указала на глубокий блестящий медный бак, украшенный бронзовой головой лебедя.

– Ванна?

Девушка с удивлением посмотрела на меня:

– Ну да. Чтобы мыться! Горячая вода с этой стороны крана...

Она повернула ручку слева. Клюв лебедя тут же выплюнул струю воды, от которой пошел пар. Затем повернула ручку справа.

– ...и здесь холодная. А разве у вас в замке нет ванны?

– Ну, да... конечно. Но она не похожа на эту, – постаралась я спасти положение.

Нельзя забывать: отныне я – баронесса, а не простолюдинка. Нет больше Жанны, дикарки из леса, умывавшейся влажным полотенцем, смоченным в тазу с холодной колодезной водой. Я – Диана, нежная демуазель, родившаяся с серебряной ложкой во рту. Мне положено вести себя так, будто с детства привычна к этой роскоши и блеску.

– Я оставлю вас, – сказала Наоко. – Вот ароматические соли для ванны. Полотенца и новая одежда, которую мадам Тереза передала, лежат на комод. Платье должно подойти по размеру, но, если необходимо, швеи всегда смогут подогнать его под вас.

Она показала на аккуратно сложенный сверток, рядом с которым стоял поднос с едой.

– Взяла на себя смелость добавить несколько галет на завтрак и чашку кофе с молоком. Как только освежитесь, позовите меня, потянув за этот бархатный шнур. Нужно поторопиться: сегодня утром «Искусство светской беседы» с мадам де Шантильи.

Девушка направилась к двери, но в последний момент остановилась на пороге.

– Кстати, Эленаис назвала вас серой мышью. Но мне нравится окрашивание ваших волос.

– О, благодарю...

Не хотелось разубеждать новую знакомую в том, что таков мой натуральный цвет.

– Рада, что меня выбрали вашей помощницей. Вы кажетесь доброй и милой. Возможно, мы могли бы даже... подружиться?

– Ну... конечно, Наоко.

Девушка приветливо улыбнулась. Ее усталые глаза просияли, на щеках появился легкий румянец.

От прогорклого пота и засохшей крови пеньюар затвердел, словно панцирь. Я с наслаждением сорвала его с себя. Раздевшись, шагнула в ванну, наполненную подогретой колдовским, неизвестным мне способом, водой.

Теплая влага размягчила напряженные мышцы. Звук струи, бежавшей из крана, растворил все мысли. Тело и разум одновременно успокоились.

Свернувшись калачиком в окружении небывалой роскоши, я позволила себе расслабиться впервые с тех пор, как покинула Крысиный Холм, и вдали от чужих взглядов – вампиров и людей, больше не сдерживаясь, горько заплакала.

* * *

Высокие каблуки новеньких туфель, каких у меня в жизни не было, звонко цокали по мраморной лестнице. Бежевая юбка из плотной парчи сковывала ноги. Корсет под блузой с рукавами три четверти затруднял дыхание.

Ранее тремя ловкими движениями Наоми успела уложить мою густую шевелюру в аккуратный пучок. Я бы ни за что не справилась сама.

– Скорее, – подгоняла она меня. – Мы опаздываем на занятия.

Я крепко держалась за натертые воском перила, чтобы не растянуться на полу, и нервно поглядывала на швейцарских гвардейцев, дежуривших в здании.

Поднявшись на второй этаж, мы приблизились к двери с изображением музы, играющей на лире.

Наоко три раза осторожно постучала, прежде чем повернуть ручку.

Все пятнадцать учениц, занимавших отдельные парты, дружно повернулись в нашу сторону. В первом ряду величественно восседала Эленаис.

– А, Наоко! Мы ждали вас!

В кресле напротив парт улыбалась светловолосая женщина в кремовом платье из органди[12 - Органди – тонкая хлопчатобумажная полупрозрачная ткань.]. Накладные волосы придавали объем прическе, вершину которой украшал кружевной платок. Очки на носу такие же, как у Валера. Только в золотой оправе, а не железной.

– А вы, должно быть, Диана де Гастефриш? – поинтересовалась она. – К вашим услугам, мадам де Шантильи.

Я попыталась повторить изящный реверанс Наоки, но запуталась в нижних юбках, чем вызвала приглушенный смех класса.

– Имейте снисхождение, девушки! – призвала к порядку учительница. – Диана сможет отработать язык жестов, принятых при Дворе, с генералом Барвок. А у нас, напоминаю, урок искусства светской беседы, а не манер.

Кивком головы она пригласила нас войти и сесть за два свободных столика на последнем ряду.

– Если новенькая не способна изобразить приличный реверанс, не представляю, как она сможет связать два слова! – съязвила Эленаис.

– Мадемуазель де Плюминьи! – резко остановила ее преподавательница.

Я почувствовала пульсацию гнева в висках. Любым способом необходимо внушить этой выскочке, что я ей ровня: такая же самодовольная, высокомерная и жестокая. Мое фальшивое имя – единственный пропуск ко Двору и шанс отомстить за родных.

– Простите, мадам, но разве новенькая в списках нашего класса? – продолжала фурия, повернув в мою сторону изящный подбородок. – Кажется, она никогда не выезжала дальше своей убогой деревни. О чем она может говорить, кроме коров и свиней?

– Об овцах, например, – парировала я.

– Прошу прощения?

– В моей убогой, как вы выразились, деревне, земля недостаточно богата, чтобы выращивать коров и свиней. Поэтому нам приходится довольствоваться овцами. Кстати, ваши прекрасные кудряшки напоминают мне Маргаритку – самую красивую овечку в стаде поместья.

– Но... моя прическа а-ля «Юрлю-берлю»[13 - Юрлю-берлю – старинная женская прическа, состоящая из симметрично уложенных локонов.] – крик моды при Дворе! – задохнулась от неожиданности девушка, явно непривыкшая к нападкам на ее идеальную внешность.

– Неужели? В любом случае Маргаритка получила первое место на сельскохозяйственном конкурсе в 294 году. Вы должны поучаствовать в этом сезоне. Может, повезет одержать победу?

Ошарашенно икнув, красотка повернулась к мадам де Шантильи:

– Надеюсь, вы накажете ее за наглость!

– Почему же, Эленаис? – сухо поинтересовалась учительница. – Мне кажется, что мы в самом разгаре наглядной демонстрации искусства светской беседы. Точнее, поединка остроумия. А это незаменимый навык. Чтобы блистать при Дворе, ваших прелестей, достойных Елены Прекрасной, недостаточно. Прошу показать нам все, на что вы способны.

Послышались подбадривающие возгласы со стороны подружек:

– Давай, Эле! Покажи ей!

Соперница, притягивая все взоры, повернула ко мне свое нежное, покрасневшее личико. Очевидно, привыкнув к тому, что сила ее красоты лишает любого речи, а хлопанье ресниц, при желании, способно развязать Троянскую войну, она с трудом подыскивала слова.

– Я... я не позволю вам, – наконец пробубнила она. – Это... вы сами – овца! Или еще хуже: серая мышь, как я сказала сегодня утром. – Довольная своей находчивостью, она вновь растянула губы в улыбке. – Да, верно: глупая ничтожная мышь!

– Если думаете, что мышь глупа, то спешу заверить, как сильно вы заблуждаетесь. Потому что те, что жили в моем замке, поломали все капканы. Однако нужно иметь безграничное терпение, чтобы вести беседу с курицей, даже если она дочь знатного птичника. Наш обмен репликами, думаю, только что подтвердил это.

Де Плюминьи потеряла дар речи. Присутствующие затаили дыхание, не зная, что делать теперь, когда их королеву публично сбросили с трона. Даже Наоко опустила глаза. Наверное, у нее сохранились болезненные воспоминания об издевательствах Эленаис.

Повисшую тишину нарушил шум рядом со мной: соседка, что-то жуя, хлопала в ладоши.

На ней было темно-синее приталенное платье из грубой, эластичной ткани, которое контрастировало с переливающимися шелками остальных воспитанниц. Кружево нижнего белья нахально выглядывало (наверняка умышленно) из глубокого декольте.

Каштановые волосы были убраны назад в высокий пучок на макушке и завязаны бантом из той же стертой ткани. Темный макияж звучал как вызов: черная подводка на глазах, полночная синева на губах.

Цвет ее лица был настолько бледным, что на мгновение мне показалось: рядом вампир... Но я вспомнила: это невозможно, ведь сейчас день.

Она перестала жевать и произнесла низким голосом:

– Шах и мат, darling[14 - Darling – дорогая (англ.)!]! Овцу или индейку сначала стригут, а затем ошипывают. – В ее речи чувствовался английский акцент.

Эленаис бросила испепеляющий взгляд на девушку, но не посмела ответить. И так было всем ясно: словесный поединок – не ее конек.

Мадам де Шантильи кашлянула:

– Успокойтесь, Прозерпина. Низко добивать проигравших. И прекратите жевать! Предупреждаю еще раз: чтобы этой отвратительной американской привычки на моих уроках не было!

Американская привычка? Неужели эта ученица родилась еще дальше, чем Наоко?

А ее имя? Прозерпина? Так звали королеву мертвых в древнеримской мифологии, жену Плутона – бога подземного царства. Оно как нельзя лучше подходило этой мертвенно-бледной девушке.

Соседка развернула платок и выплюнула в него жевательную резинку, при этом заговорщически подмигнула мне черным веком.

– Спасибо, Прозерпина... – прошептала я.

– Поппи, – поправила она.

Мадам де Шантильи положила конец нашему краткому обмену любезностями:

– Итак, дамы! После этой забавной интермедии давайте продолжим с того места, на котором остановились. Мы говорили о любовных похождениях богов-олимпийцев. Полезная тема для обсуждения в обществе, поскольку позволяет обходить сердечные вопросы с тактом и деликатностью. Позавчера вспомнили Адониса и Венеру, Купидона и Психею, Орфея и Эвридику. На сегодня я просила вас ознакомиться с «Метаморфозами» Овидия... Мы только что поприветствовали новенькую, названную в честь римской богини. Кто сможет перечислить возлюбленных Дианы?

Девушки обменялись растерянными взглядами. Одна из них, невысокая брюнетка в анисово-зеленом платье и в очках, похожих на те, что были у учительницы, подняла руку.

– Да, мадемуазель дез Эскай?

– Ваш вопрос – ловушка, мадам. Диана не ведала любви. Она – охотница, давшая обет целомудрия.

– Очень хорошо, Франсуаза. А кто может назвать воздыхателей, ставших жертвами ее холодности?

Решив до конца играть свою роль, я подняла руку. Мне были знакомы труды Овидия. Они занимали видное место в библиотеке родителей.

– Диана отравила гиганта Ориона скорпионом, – произнесла я. – Своими стрелами убила титанов Отоса и Эфиальтеса. А охотника Актеона превратила в оленя. Он был съеден собственными собаками.

Мадам де Шантильи одобрительно посмотрела на меня поверх своих очков:

– Впечатляюще, мадемуазель де Гастефриш! Эрудиция плюс остроумие – два основных качества для ведения блестящей светской беседы. Признаюсь: новость о новенькой из уст мадам Терезы застала меня врасплох. Как гром среди ясного неба! Возникли сомнения. Я подумала, что, приютив бедную сиротку, мы будем заниматься благотворительностью. Но теперь, увидев и услышав вас, я изменила мнение и смею предположить, что вы могли бы принять участие в борьбе за «Глоток Короля» в октябре следующего года.

В классе раздался шепот. Впервые с момента моего пробуждения он выражал не презрение или угрозу, а восхищение.

8

Конкуренция

– ЧТО ТАКОЕ «ГЛОТОК КОРОЛЯ»? – поинтересовалась я у Наоко за обедом в маленьком рефектуаре[15 - Рефектуар – столовая.] женского крыла.

Над камином величественно возвышался большой портрет Короля. Это было зловещее, мрачное полотно, изображавшее ночную прогулку монарха. В бордовом охотничьем костюме и большой треуголке, декорированной фазаньими перьями, суверен восседал на темном жеребце, чья попона едва различалась на фоне черного леса. Единственным светлым пятном служила золотая маска, пронзенная двумя черными дырами.

Грозный взгляд Короля Тьмы наблюдал, как зал наполнялся беготней служанок и разговорами молодых воспитанниц, пришедших на обед. Здесь собралось около пятидесяти девушек, представительниц самых благородных семейств: семнадцатилетние старшеклассницы, шестнадцатилетние кадеты и пятнадцатилетние бенжамины.

Наоко подняла глаза от рыбы, к которой не притронулась, довольствуясь поклевыванием овощного гарнира.

– Ритуал «Глоток Короля» – это церемония, во время которой Король выбирает двух новобранцев для своей гвардии смертных, – объяснила она. – Традиционно – юношу и девушку.

– Для гвардии смертных? – повторила я, вспоминая слова Александра. Вампир действительно рассказывал, что каждый год 31 октября Король Тьмы выбирал двух лучших учеников школы. Но не упомянул о военной роли отличников. – Я думала, это простое назначение оруженосцев. – Именно. Избранные входят в закрытый привилегированный круг смертных, которым Король полностью

доверяет. Трое юношей и три девушки выступают телохранителями монарха. Шесть оруженосцев не только сопровождают суверена во время ночных прогулок, но и отвечают за личную охрану и караул у монаршего гроба днем.

Я украдкой бросила взгляд через окно, выходящее во двор «Гранд Экюри», на высокие ворота и дальше, на стену Облавы. За сияющей белизной этой грандиозной крепостной стены скрывался тайный дворец, на дне которого покоились черные гробы бессмертных Двора...

– Разве у короля нет швейцарских гвардейцев, чтобы защитить свой гроб? – прошептала я.

– Этого недостаточно. Швейцарские гвардейцы всю жизнь будут оставаться солдатами, верными дворцу. В то время как королевские оруженосцы, прослужив несколько лет в его свите, могут достичь более высокого положения при Дворе: заключать престижные браки, путешествовать по провинциям и даже за границу. Они становятся глазами и ушами Его Величества, сильнейшей опорой королевства во всей Магне Вампирии и за ее пределами.

Несколько мгновений я размышляла над этими словами, рассматривая календарь на стене, открытый на сегодняшней дате: 3 сентября. Вечность до того дня, когда старшие классы официально предстанут перед Двором: в конце июня следующего лета.

А если мне выпадет шанс быть избранной Королем, как объявила утром мадам де Шантильи? Не для того, чтобы служить ему, этому не бывать! Но идея оказаться во дворце 31 октября, через каких-то два месяца, выгодно меняла перспективу мести Александру. Делала ее ощутимой и реальной.

– Понятно... – ответила я. – Но почему церемония называется «Глоток Короля»?

Наоко наклонилась ко мне совсем близко:

– Потому что именно так Король скрепляет уникальную связь между собой и оруженосцами. Он дает им выпить глоток собственной крови.

Я аккуратно положила вилку на край своей тарелки, не в силах проглотить хотя бы еще кусочек. Мои знания о вампирах более чем ограничены, но я знаю: трансмутация происходит через кровь.

– Король превращает слуг в вампиров? – Я инстинктивно понизила голос, как будто величественная картина над камином могла меня услышать.

Увидев удивленное выражение лица Наоко, тут же добавила:

– Простите мое невежество, но в глухой провинции, откуда я родом, повелители ночи не бегают по улицам.

– Трансмутация – это сложный, опасный и строго регламентированный ритуал, который может быть законно проведен только с одобрения гематического Факультета, – терпеливо сообщила девушка. – Численность вампиров, циркулирующих в Магне Вампирии, строго ограничена *numerus clausus* – процентной нормой. Чтобы быть уверенным, что бессмертные составляют ничтожное меньшинство по сравнению со стадом смертных, которое их кормит.

Я кивнула. Понятно, почему в нашей безлюдной дыре никогда не видели повелителей ночи.

– При церемонии трансмутации могущественный вампир позволяет отпить большую часть собственной крови смертному, который предварительно лишается своей крови, – продолжила Наоко. – Тогда как в ритуале «Глоток Короля», как следует из названия, предполагается испить всего несколько капель королевской крови. Этого достаточно, чтобы, не трансформируя полностью, наделить будущих оруженосцев сверхчеловеческими способностями. Таким образом, каждый год Король предлагает «Глоток» всем членам своей свиты, чтобы поддерживать их мощь и силу.

К нам подошла молодая рыжеволосая служанка, чтобы убрать со стола. Вид фиолетовых шрамов от кровопускания в складках ее локтей окончательно отбил аппетит. Под рукавами моего платья скрывались такие же. Сотни игл с самого детства каждый месяц уродовали мою кожу на обеих руках, оставляя позорные отметины...

– Туанетта, подождите, пожалуйста, – обратилась Наоко к прислуге, которая уже собиралась унести мою тарелку. – Вы не хотите доесть овощи, Диана?

Я покачала головой. Тогда японка переложила остатки моей еды в свою тарелку.

– Я вегетарианка, – объяснила она.

– Веге... Кто?

– Не ем ни рыбу, ни мясо.

В ответ на мой недоуменный взгляд она тут же добавила:

– От поедания плоти животных... э... у меня бессонница. Я плохо сплю. Тяжелая пища мешает заснуть. Похоже, сегодня на кухне об этом забыли, но ничего страшного, я доем вашу порцию.

Я кивнула, заинтригованная. В наших краях мы не видели мяса в изобилии, а рыбы – тем более. Мои редкие охотничьи удачи лишь ненамного улучшали ситуацию. Что касается проблем со сном, о которых упомянула Наоко, то темные круги под ее глазами свидетельствовали о том, что диета девушки их не решала...

– А сверхспособности, которые дарит «Глоток Короля»? Что они значат? – вновь полюбопытствовала я.

– Ходят слухи, что они различаются, поскольку каждый по-разному реагирует на Тьму. Я слышала о ночном зрении, об обостренных чувствах и даже телепатии. Единственная достоверная информация в том, что свита Короля не стареет, пока пробует его кровь. Через несколько лет большинство из них окончательно трансмутируется. В награду за хорошую и верную службу Факультет предоставит им место в *numerus clausus*. Они вступят в ряды вампирического высшего общества и вечного бессмертия. Можно только представить дороговизну тех мест...

– ...да, я слышала, что каждую осень процесс отбора превращается в драку.

Наоко согласно кивнула, изящно накалывая горох на кончик вилки.

– Этой осенью дуэль состоится в женском крыле, – поведала она. – Вы встретились с двумя соперницами прошлого года, уже делившими первые места во всех видах искусства. Эленаис де Плюмины не знает себе равных в фехтовании и придворных манерах, а Прозерпина Каслклифф превосходит всех остальных в колком остроумии и умении ездить верхом.

Я проследила за взглядом Наоко. Действительно, старшеклассницы почти равномерно распределились между двумя столами: один с кудрявой шатенкой во главе, а другой с мертвенно-бледной брюнеткой.

Вот почему последняя была так счастлива, когда я публично поставила Эленаис на место. Не из сочувствия, как я наивно полагала, а из духа соперничества.

– Семья Прозерпины восходит к древнейшему английскому роду. Ее предки – легендарные лорды Каслклифф, – доверительно сообщила Наоко. – Их благородный род берет начало со времен короля Вильгельма Завоевателя. Но теперь они бедствуют.

– Говорят, между Францией и вице-королевством Англии существует напряженность, – вспомнила я слова мадам Терезы.

– Именно поэтому Прозерпину приняли в школу на безвозмездной основе: чтобы укрепить дипломатические связи между двумя странами в эти беспокойные времена. Если она станет оруженосцем Короля, это будет сильным знаком. Каслклифф прекрасно изъясняется на французском, как вы могли заметить...

– И вы тоже, – поспешила я заверить Наоко.

Девушка покачала головой, демонстрируя неуверенность, которую я уже успела в ней заметить:

– Может, мой французский и неплох, но способностей к остроумным ответам, как у вас, нет. А куртуазные манеры далеки от идеала, не то что у Эленаис, чья красота освещает любое место, где бы она ни появилась. К тому же у меня нет уверенности Прозерпины, которой удастся навязать свой стиль вопреки

этикету. – Она кивнула в сторону независимой брюнетки. – Ну кто еще, кроме нее, осмелится надеть деним в школу?

– Деним?

– Да, ткань из Нима. Новая, недорогая, эластичная ткань, которую молодые и модные простолюдины носят прямо на тело. Надо сказать, что на леди Прозерпине деним выглядит просто сногшибательно. Даже Серафине де ла Паттбиз со всеми ее накидками с бахромой и платьями с оборками далеко до Поппи!

Я молча кивнула, понимая, насколько невежественна в последних веяниях моды, которые никогда не достигали далекой Оверни.

Служанка принесла десерт – «мусс из гуавы и ананаса». Из фруктов, столь же незнакомых мне, как экзотические ткани Версаля. Я попробовала его с опаской... Он оказался восхитительным.

– Поппи и Эле – это битва старинной шпаги древнего рода аристократии и роскошного платья нуворишей, – задумчиво заключила Наоко, пробуя мусс. – У обеих отличная учеба, бесконечные воздыхатели из мужского крыла. Эти особы диктуют правила игры. По крайней мере, пока не нейтрализуют друг друга.

– Что вы имеете в виду?

– В конце прошлого года напряжение между ними было настолько велико, что месье де Монфокон вызвал их в свой кабинет и пригрозил исключением.

При упоминании имени директора, с которым я еще не встречалась, по телу молодой японки под шелковой туникой пробежала дрожь.

– Неужели Главный Конюший так страшен? – поинтересовалась я.

– Он из старой династии жестоких душегубов, которым Король даровал дворянство. Палачи виселицы Монфокон – самой большой в Париже, в королевстве Франция и даже во всей Магне Вампирии. Говорят, там одновременно могут быть повешены до тысячи несчастных...

Я хотела задать новые вопросы, но в этот момент раздался звон колокольчика: мадам Тереза возвестила о возвращении в класс.

* * *

Если утро было посвящено салонной жизни – светской беседе и куртуазному искусству, то вторая половина дня отдавалась спортивным занятиям – верховой езде и боевым искусствам. Сегодня старшеклассницы отправились в Оружейный зал, расположенный в подвале «Гранд Экюри».

На стенах просторного сводчатого помещения, освещенного огромными коваными люстрами, висели всевозможные виды оружия: шпаги, сабли, копья. Заостренные, тупые и таких причудливых форм, которых я никогда раньше не видела. Даже в книгах.

– Гастефриш, защищайтесь! – внезапно раздался звонкий голос, в десятки раз усиленный прекрасной акустикой подвального помещения.

Я резко повернулась. В комнату стремительно ворвалась женщина лет тридцати. Вместо женского платья ее фигуру подчеркивали рубашка и мужские бриджи, заправленные в высокие болотные сапоги. Подобные штаны я носила на Крысином Холме. Золотисто-каштановые волосы, убранные в катоган, открывали овальное лицо с пронзительными глазами, устремленными на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Морта – богиня смерти в древнеримской мифологии.

2

Фрондер – человек, восстающий против чего-нибудь из духа противоречия.

3

Согласно гуморальной теории в человеке текут четыре основные жидкости (гуморы): кровь, флегма (слизь), желтая желчь и черная желчь.

4

Катоган – прическа на парике, при которой волосы сзади стягиваются лентой.

5

Архиатр – звание главного врача города, провинции.

6

Мортанж – Mortange – мертвый ангел (фр.).

7

Таларии – сапоги или сандалии с крылышками.

8

Главный Конюший Франции XVII в. – один из высших сановников королевского двора, отвечающий за королевские конюшни.

9

Дамаст – легкая ткань из атласных нитей на матовом фоне полотна.

10

Пандемониум – сборище злых духов и демонов.

11

Марена – растение, которое используется для получения красного красителя.

12

Органди – тонкая хлопчатобумажная полупрозрачная ткань.

13

Юрлю-берлю – старинная женская прическа, состоящая из симметрично уложенных локонов.

14

Darling – дорогая (англ.).

15

Рефектуар – столовая.

Купить: https://tellnovel.com/diksen_viktor/dvor-t-my

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)